

КОНЕЦЪ РАВВИНА ИЗЪ РУДОГАЯ.

Романъ Л.Гданскаго.

Л. Гданскій.

Конецъ равнина изъ Рудогая

Романъ.

И З Д А Н И Е А В Т О Р А
Р И Г А.

Печатано въ типографіи Д. Анта, Рига, Парковая 1-а.

С К Л А ДЪ И З Д А Н И Я :
Rīgā, Avotu ielā 16 dz. 22.

Часть первая

I.

- Товарищъ Мендель!
- Товарищъ Мендель, одну минуточку...
- Я къ вамъ, товарищъ Мендель... Намъ нужно...

Его обступили со всѣхъ сторонъ женщины, забрасывая просьбами, одна сложнѣе другой.

Да, да... Онъ все это знаетъ, все слышалъ уже... Этой маленькой съ птичьимъ лицомъ, одѣтой въ кожаное полупальто, нужна обстановка — двадцать комплектовъ дѣтской мебели для дѣтскаго сада. Этой пожилой дамѣ въ старенькой шляпкѣ, криво сидящей на затылкѣ, необходимы во что бы то ни стало столы.

— Подумайте, мы не можемъ какъ слѣдуетъ кормить дѣтей, не можемъ заниматься. Невозможно кушать и все дѣлать на окнахъ, да и оконъ не хватаетъ на всѣхъ. Подумайте, товарищъ Мендель, въ какомъ мы положеніи...

— Да, да... я все это знаю. Я распорядался, и жилищный отдѣлъ обѣщалъ разыскать и реквизизировать все, что намъ нужно... Нашъ товарищъ Звонаревъ и сейчасъ рыщетъ по району... Въ школахъ есть обстановки, но изъ школъ комиссаріатъ не позволяетъ ничего трогать, хотя школы пустуютъ сейчасъ. Что я могу сдѣлать? Потерпите...

— Мы ужъ очень долго терпимъ, — недовольно протянула женщина съ птичьимъ лицомъ. — Въ Спасскомъ районѣ все уже есть,

и налажены сады и клубы, а у насъ чудо-вищный безпорядокъ.

Назойливая трескотня женскихъ голосовъ осаждала слухъ. Мендель отмахнулся рукой, а на лицѣ его точно заблудилась полупечальная, полувиноватая улыбка.

Ну что на самомъ дѣлѣ, онъ Богъ что-ли, чтобы сотворить изъ ничего нужную мебель? Вотъ товарищъ Верховская хотѣла имѣть піанино для своего сада — это есть. У него въ запасѣ пять піанино и три рояля... А столовъ нѣть и скамеекъ нѣть. Нужно искать...

— А какъ будетъ съ провизіей, товарищъ Мендель? Вчера крупы выдали очень мало...

— Провизія будетъ... И потомъ это дѣло товарища Шакшинова... И что вы такъ волнуетесь? Пока кормите дѣтей, и — слава Богу! Это самое главное теперь, когда у всѣхъ недохватка, и всѣ голодаютъ... А столы — потомъ.

И кучка женщинъ разсѣялась: поплыли по другимъ комнатамъ за разными бумажками и мандатами.

Одна маленькая съ птичьимъ лицомъ осталась возлѣ товарища Менделя. У нея черные глаза съ какимъ-то холоднымъ свѣтомъ — точно лунные блики дрожать въ ихъ глубинѣ.

— Товарищъ Мендель, я должна на минутку задержать васъ.

У нея спокойный дѣловoy тонъ, и вся виѣшность ея полна дѣловитости — можетъ быть кожаное полупальто придастъ ей это? Мендель чувствуетъ холодокъ недовѣрія и скрытой враждебности, вѣюшій отъ нея, хотя она выдержанно — спокойна — сплошная дѣловитость.

Онъ не можетъ отказать ей въ «минуточ-

къ», хотя и знаетъ, что минуточка эта превратится въ полчаса, и что товарищъ Тешихина будетъ говорить о разныхъ непорядкахъ и упрекать разныхъ лицъ въ недобросовѣстности. Это не доносы, а новая «революціонная честность»... Странное слово, оправдывающее любые поступки.

Борухъ-Мендель кивкомъ головы изъявилъ согласие и вошелъ въ «кабинетъ» — пустую комнату съ голыми стѣнами, съ одиночнымъ простымъ столомъ и двумя стульями.

Ему хотѣлось попросить ее быть краткой, но помѣпла странная застѣнчивость, и Борухъ-Мендель повернулъ лицо къ окну, приготавившись слушать такъ, чтобы не видѣть ея лица.

— У меня въ пріютѣ два случая заболѣванія дифтеритомъ... Вчера былъ товарищъ Звонаревъ, и я ему сказала объ этомъ, но товарищъ Звонаревъ, кажется, былъ пьянъ немного, потому что наговорилъ разныхъ глупостей... Я пропуши васъ, товарищъ Мендель, дать мнѣ возможность принять мѣры...

Борухъ-Мендель чувствовалъ себя беспомощнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось сталкиваться съ медициной... Въ памяти всталъ почему-то тихій далекій Рудогай, гдѣ было тѣсно, грязно, и гдѣ никто ничего не зналъ о медицинѣ, и самыя болѣзни все связывали съ Божьей волей и этой Волѣ предоставили или возвращать здоровье больному, или отправлять его въ лучшій міръ...

Да, но это не Рудогай... Нѣтъ Рудогая — онъ уничтоженъ пожаромъ войны. Всемогущій Господь поднялъ народъ израильскій, привелъ его въ великое движение и послалъ творить жизнь, освободивъ отъ оковъ рабства...

Да, но и это не то... Что говорить эта женщина съ птичьимъ лицомъ?

И онъ сказалъ тихо:

— Идите во врачебный отдѣлъ. Я вамъ напишу записку, отдайте ее товаришу Шмульсону...

И на обрывкѣ бумаги, валявшемся на столѣ, онъ написалъ нѣсколько словъ.

Тешихина взяла бумажку, и скрытая ироническая улыбка шевельнула ея губы.

— Благодарю васъ, товарищъ Мендель... По революціонному долгу я обязана сказать вамъ однако, что поведеніе товарища Звонарева, къ сожалѣнію, не совсѣмъ отвѣчаетъ ни его положенію, ни моменту. Являясь въ пріютѣ нетрезвымъ и говоря всякия глупости, онъ развращаетъ дѣтей... Въ то время, какъ нужно ставить на высоту авторитетъ рабоче-крестьянской власти, онъ...

Борухъ-Мендель пересталъ ее слушать... Онъ терпѣливо выждалъ, когда революціонная совѣсть товарища Тешихиной сбросила мучившій ее гнетъ, и сказалъ:

— Хорошо. У меня скоро засѣданіе отдѣла, товарищъ Тешихина, потому...

Она поняла — легкая краска неудовольствія пробилась на ея матово-смуглыхъ щекахъ. Кивнувъ молча головой въ знакъ прощального привѣтствія, она вышла изъ комнаты.

II.

Да, Борухъ-Мендель, рудогайскій цадикъ, былъ на другой дорогѣ. Кто бы могъ подумать три года тому назадъ, что жизнь пойдетъ

темпомъ урагана, разметывая и сокрушая всѣ устои и кидая людей изъ пучинъ ничтожества на верхи и обратно... Самого рудогайского ребя вытряхнуло изъ колеи, по которой тихо текла его жизнь между громадными старыми фолиантами, синагогой и посѣтителями, жаждавшими услышать слово совѣта, ободрѣнія или утѣшениія изъ устъ его.

Все это было въ прошломъ и гдѣ-то въ сторонѣ. Появилась необходимость новой работы, новой дѣятельности. Тамъ, въ его старой колеѣ, было все соразмѣreno, и на всѣ явленія находился отвѣтъ изъ глубины вѣковъ — изъ старыхъ пожелтѣвшихъ фолиантовъ, напитанныхъ мудростью далекихъ предковъ.

Но они не дали отвѣта въ тотъ часъ, когда громъ войны принесъ бурю въ безконечные просторы Россіи, и когда вдругъ все такъ странно перепуталось и пришло въ смятеніе.

Голосъ изъ глубины вѣковъ молчалъ потрясенный, и Борухъ-Мендель оказался одинокимъ въ бурѣ, вздыбившей до небесъ волны человѣческихъ страстей.

Исходъ изъ Рудогая напомнилъ было ему чѣмъ-то исходъ изъ Египта, но въ этомъ исходѣ не чувствовалось опекающей воли Господа, пронесшей когда-то сквозь пустыни народъ израильскій... Этотъ исходъ былъ паническимъ бѣгствомъ жалкаго людскаго стада, сопутствуемаго нищетой, голодомъ, болѣзнями и погруженного въ отчаяніе.

И съ того момента, когда рудогайскіе бѣглецы потянулись по дорогѣ, бросивъ дома и всю свою рухлядь, начались годы скитаній.

Разбрелась по разнымъ закоулкамъ паства Боруха-Менделя, и онъ самъ їздилъ изъ горо-

да въ городъ, одинокій, оглушенный [и опустошенный...

Былъ тифъ, унесшій въ могилу всю его семью и пощадившій зачѣмъ-то его. Это было еще въ бѣженскомъ баракѣ въ холодной негостепріимной Вологдѣ... Сердце Боруха-Менделя, откликавшееся на всякое людское страданіе, почти не замѣтило потери семьи — было такъ много потеръ вокругъ, важныхъ, потрясающихъ, что свои личныя потери казались неважными.

«Богъ далъ, Богъ взялъ, да будетъ благословенно имя Его».

Вихрь революціи не могъ закружить Боруха-Менделя. Онъ встрѣтилъ его со спокойствіемъ мудреца, познавшаго глубины бытія. Но событие это открывало новые горизонты мысли, новыя перспективы жизни. Можетъ быть, Борухъ-Мендель остался бы въ сторонѣ отъ всякихъ событий и продолжалъ бы свои скитанія — скитанія сторонняго наблюдателя, если бы не неожиданная встрѣча съ Борисомъ.

Это было уже въ Петербургѣ. Борухъ-Мендель шелъ по Невскому проспекту, всматриваясь въ толпы людей съ красными знаменами, двигавшіяся безконечной вереницей...

Ясный морозный день вылилъ потоки сверкающаго свѣта на причудливую массу, разношерстно — одѣтую и разношерстную по своему составу. Въ ней были солдаты, вернувшіеся съ фронта, были рабочіе съ женами и дѣтьми; были старики и молодые, были интеллигенты.

На знаменахъ колебались повелительные возгласы:

«Вся власть Учредительному Собранию!»

«Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!»

Борухъ-Мендель шелъ по тротуару, не сливаясь съ толпой, но въ душѣ его было торжественно и легко... Такъ же легко, какъ легокъ былъ воздухъ надъ домами, возносившійся въ изумительно-ясную голубую высь, и такъ же торжественно, какъ торжественно было спокойное теченіе толпы..

Онъ шелъ не съ толпой, но туда-же, куда текла она — къ дворцу роскошнаго князя Тавриды, гдѣ собрались въ этотъ день народные избранники — то самое Учредительное Собраніе, о которомъ кричали знамена...

И вдругъ его остановилъ человѣкъ въ военной шинели.

— Можетъ ли это быть? Это вы, раввинъ изъ Рудогая?

Борухъ-Мендель узналъ Бориса. Съ этимъ человѣкомъ Господь сотворилъ чудо — вернулся ему зрѣніе. Борухъ-Мендель встрѣчался съ нимъ, уже зрячимъ, въ годы бѣженства, когда еще престолъ не былъ низверженъ, но такія горячія головы, какъ Борисъ, прилагали всѣ усилия, чтобы расшатать его:

— Мы давно не видались съ вами, а за это время произошли великия события. Но куда вы идете?

Борухъ-Мендель улыбнулся и жестомъ указалъ по направленію движенія толпы...

Борисъ ухватилъ его за рукавъ.

— Не ходите туда, не надо, — сказалъ онъ, хмуря брови. — Тамъ вамъ нечего дѣлать.

Борисъ былъ все тѣмъ-же, порывистымъ и полнымъ огня. Раньше въ кипѣли горечь и ненависть, отправлявшія каждое слово, срывавшееся съ языка. Это былъ тогда боецъ, получившій много тяжелыхъ ударовъ, распалившихъ ненависть и жажду мщенія. Теперь пе-

редь Борухъ-Менделемъ тоже былъ боецъ, но упоенный побѣдой... Въ каждомъ движениі его сквозила увѣренность человѣка, знающаго свое мѣсто въ рядахъ борцовъ за дѣло, которому была отдана жизнь.

Не было ни ненависти, ни горечи въ словахъ, не было ихъ и на лицѣ. Побѣдитель былъ сдержанъ и суровъ — такъ много борьбы было еще впереди и рано опускать руки.

Борисъ увлекъ Менделя съ собой. Такъ какъ ничто глубокое не связывало раввина съ толпой, онъ пошелъ съ Борисомъ.

Они очутились въ какомъ-то домѣ на Мойки, къ воротамъ котораго была прибита надпись, сдѣланная отъ руки и наспѣхъ — буквы прыгали по выѣскѣ вкрай и вкось: «Совѣтъ 2-го гор. района».

Безусые мальчуганы съ красными повязками на рукавахъ и винтовками въ рукахъ, окрученные накресть лентами патроновъ, толпились внизу въ переднихъ. Они держались со смѣшной важностью дѣтей, получившихъ серьезную, опасную игрушку, и старались подражать и голосомъ и манерами взрослымъ старымъ солдатамъ. Это были юные пѣтушки, пытающіеся впервые запѣть по настоящему, и никто не могъ предугадать, что получится изъ ихъ пѣнія.

Отъ нихъ вѣяло какой-то печальной ироніей, странной шуткой событий, дающихъ иногда уродливыя отраженія своей сущности, точно въ кривыхъ зеркалахъ «волшебныхъ кабинетовъ» паноптикумовъ.

Во второмъ этажѣ въ комнатахъ были канцеляріи. Всего нѣсколько какихъ-то барышень въ пустыхъ комнатахъ за столами. Пара пишущихъ машинокъ сухо и разрозненно

щелкали клавіатурой подъ робкими неувѣренными пальцами машинистокъ, неумѣвшихъ еще писать на нихъ.

— Намъ нужны работники, товарищъ Мендель, — сказалъ Борисъ. — Нужны люди честные, прямые, вродѣ васъ, люди съ несокрушимой силой воли и непобѣдимой энергией, чтобы строить и налаживать новую жизнь. Вы хотя и изъ другого міра, но вы — нашъ, этого вы не станете отрицать. Вы спрятали талесъ, отложили его въ сторону не только для того, чтобы стать наблюдателемъ. Вы должны принять участіе въ созидательной работе.

— Но что я могу дѣлать? Какую пользу и кому можетъ принести сейчасъ раввинъ, отбившійся отъ своего стада? Вы, Борисъ, не знаете о чёмъ говорите.

— О, я прекрасно знаю. Я васъ не зову сейчасъ же въ ряды большевиковъ — вы встанете въ нихъ цотомъ сами, — нѣтъ, я предлагаю вамъ работать на благо пролетаріата. Работы много и какой угодно работы... У насъ, напримѣръ, тысячи дѣтей. Ихъ нужно кормить, одѣть, надо позаботиться объ ихъ воспитаніи. Намъ нуженъ человѣкъ, который бы занялъ постъ завѣдующаго культурно-просвѣтительнымъ отдѣломъ, и я думаю, что вы можете занять его. Товарищъ Мендель, я не думаю, что вы способны отказатьться...

Дѣти, голодъ, невѣжество... Все это было знакомо и близко Боруху-Менделю. Но онъ хотѣлъ подумать и взвѣсить все, прежде чѣмъ дать отвѣтъ. Борисъ однако былъ не изъ тѣхъ людей, которые допускали колебанія. У него всегда все было ясно и рѣшено, и здѣсь онъ не могъ откладывать дѣла.

— Вы должны сейчас же сказать «да», и я немедленно сведу вас къ предсѣдателю исполкома.

Вышло какъ-то такъ, что настойчивость Бориса преодолѣла колебанія Боруха-Менделя, и онъ сказалъ «да».

И тогда все измѣнилось въ его жизни. Онъ очутился лицомъ къ лицу съ громаднымъ дѣломъ, требовавшимъ большого напряженія и огромной работы.

Борухъ-Мендель занялся дѣтьми второго района, сталъ чѣмъ-то вродѣ комиссара.

III.

Онъ вошелъ въ жизнь органа, пытавшагося внести какой-то порядокъ въ хаосъ, царствовавшій кругомъ. Борухъ-Мендель сталъ звеномъ, которому надлежало поставить и наладить жизнь школъ, приютовъ, воспитательныхъ учрежденій въ громадномъ районѣ Петербурга.

Районъ этотъ начинался устьемъ рѣки Фонтанки, захватывалъ кварталы нищеты бореевъ рѣки Пряжки и Сухарнаго острова и тянулся къ центру, расширяясь съ одной стороны до Невы, а съ другой—до Садовой улицы. Зимній дворецъ былъ въ чертѣ района.

Сначала надо было собирать дѣтей, бродившихъ по улицамъ безъ всякаго дѣла. Для этого оказались годными организаціи старыхъ дѣтскихъ садовъ. Фребелички и лесгафтички, оказавшіяся не у дѣлъ, благодаря революціи, откликнулись на призывъ, и снова началась

жизнь въ дѣтскихъ садахъ. Для старшихъ дѣтей открыли клубы.

Шлоо было съ занятіями. Всѣ силы были устремлены въ сторону кормленія дѣтей, такъ какъ голодъ подтачивалъ жителей певской столицы. Забота о 2 000 дѣтей лежала на плечахъ Менделя и, несмотря на громадную тяжесть, казалась легкой и приятной...

Подъ клубы и пріюты занимались лучшіе особняки района, покинутые бѣжавшими магнатами. Для первого клуба Борухъ-Мендель облюбовалъ небольшой особнякъ на Алексѣевской улицѣ. Домъ этотъ принадлежалъ богатѣйшему купцу-лѣсопромышленнику и оказался въ прекрасномъ состояніи. Онъ былъ маловатъ для сотни дѣтей, но обладалъ маленькой оранжерей и зимнимъ садомъ, въ которомъ были представлены рѣдкіе экземпляры тропическихъ растевій. Это главнымъ образомъ повлияло на выборъ Боруха-Менделя: садъ и оранжерей могли оказаться прекраснымъ материаломъ для занятій съ дѣтьми.

Второй клубъ нашелъ мѣсто въ Зимнемъ дворцѣ. Часть квартиры какой-то фрейлины вмѣстила со всѣми удобствами около 200 дѣтей.

Дворецъ князя Долгорукова на Мойкѣ былъ предназначенъ Менделемъ для устройства обширного дома пролетарскихъ дѣтей. По задачамъ домъ долженъ былъ превзойти все, что дѣлалось до сихъ поръ для дѣтей.

Рядомъ былъ дворецъ Алексея Александровича, приведенный въ негодное состояніе, благодаря порчѣ центрального отопленія. Борухъ-Мендель расчитывалъ однако, что современемъ удастся исправить его, и тогда дѣтскій домъ превратится въ дѣтскій дворецъ, сливъ

въ одно цѣлое владѣніе Долгоруковыхъ и дворецъ великаго князя Алексѣя.

Это была пора лихорадочной созидательной работы, работы мечтателя, задавшагося цѣлью осчастливить несчастный уличный дѣтскій сбродъ...

Что хотѣлъ дать имъ Мендель въ этихъ дворцахъ?

О, очень много... Цѣлую сказку, воплощенную въ жизнь!

Онъ былъ далекъ отъ политики. Программа партіи, захватившей насилино власть, рисовалась ему благословенными картинами райскаго благополучія на землѣ — золотымъ вѣкомъ, о которомъ мечтало человѣчество. А самъ онъ чувствовалъ себя маленькимъ винтикомъ, въ сложномъ аппаратѣ, которому надлежало подготовить людей къ этому будущему.

И дѣтскіе дворцы — шагъ къ воспитанію этихъ будущихъ людей, и они должны быть обставлены соотвѣтствующимъ образомъ.

Какъ? Борухъ-Мендель смутно сознавалъ это. Воображеніе мечтателя рисовало яркія и почти неосуществимыя детали, но въ цѣломъ это былъ сумбуръ, огненный, красивый, многоцвѣтный, но все-таки сумбуръ...

Ему чудился громадный, необъятныхъ размѣровъ, этотъ дѣтскій дворецъ въ зелени прекраснаго парка (можно было, напримѣръ, превратить въ такой паркъ Каменныи и Елагинъ острова вмѣстѣ, а въ центрѣ создать са-мый дворецъ).

Рано утромъ гудящіе неуклюжіе автобусы привозятъ сюда дѣтей со всѣхъ концовъ города.

Чистыя, легко и изящно одѣтые дѣти веселой гурьбой наполняютъ дворецъ. А здѣсь

ихъ ждутъ опытные мудрые воспитатели и руководители.

И во дворцѣ есть все, что могло бы только заинтересовать ребенка, разбудить въ немъ жажду познанія и толкнуть душу къ движенію впередъ — къ познанію красоты, истины и **свѣта**.

Все красивое, все изящное должно окружать дѣтей. Сытая, одѣтая, незнающія что такое нужда, эти дѣти создадутъ поколѣніе свободныхъ, гордыхъ духомъ людей, которые завоюютъ міръ и приведутъ его къ истинѣ.

Объ этомъ мечталъ Борухъ-Мендель во-чами въ своей маленькой комнаткѣ въ зданіи того же совѣта, гдѣ онъ работалъ. Въ комнатѣ были диванъ, служившій постелью, столъ и вѣсколько стульевъ да цѣлая гора книгъ.

Но это не были древніе фоліанты. Тутъ былъ случайный наборъ литературы, поражающей своимъ разнообразіемъ. Изящная литература всѣхъ народовъ, русскіе классики, книги по исторіи, философіи, религіи, научные тру-ды и сочиненія по прикладнымъ знаніямъ. Во всемъ этомъ жадно и беспокойно рылась мысль Боруха-Менделя, открывая ему новые міры, новые горизонты, дѣлая его то безумно счастливымъ, то ввергая въ бездны отчаянія. Съ лихорадочной торопливостью впитывала душа Менделя весь этотъ матеріалъ, спѣша догнать и поймать время и выйти на общую дорогу съ вѣкомъ.

Книги эти заполняли все время Боруха-Менделя, и въ мечтахъ о дѣтскихъ дворцахъ онъ давали новые и неожиданные толчки.

Но мечты — мечтами.

Дѣйствительность предъявляла уродливые

счета, и день разрушалъ грандіозные воздушные замки ночи.

Приходили женщины изъ садовъ и клубовъ и требовали — столовъ, стульевъ, скамей, продуктовъ питанія... Эти фреbелички и лесгафтички были далеки отъ мечтаній о дворцахъ для дѣтей и жили самыемъ насущныемъ. Онѣ требовали пополненій для дѣтскаго котла съ похвальной настойчивостью, но только потому, что сами кормились возлѣ этого котла...

Онѣ непонимали Боруха-Менделя, когда онъ говорилъ о своихъ планахъ, и почти открыто высмѣивали его доклады въ отдѣлѣ. А Борухъ-Мендель, хотя и попималъ ихъ, но съ горечью думалъ, что эти женщины и мужчины совсѣмъ не пригодны для роли воспитателей въ его дѣтскихъ дворцахъ.

IV.

Каждый день приносилъ много суеты и хлопотъ, иногда совершенно бесплодныхъ и ненужныхъ.

Въ это утро первымъ пришелъ въ кабинетъ къ Боруху-Менделю завѣдывающей продовольствіемъ дѣтскихъ клубовъ и садовъ.

Товарищъ Шакшиновъ служилъ до революціи половыемъ въ какомъ-то трактирѣ. Это былъ молодой, очень разбитной ярославецъ съ плутоватыми глазами, бѣлокурый и съ постояннымъ густымъ румянцемъ на упругомъ крѣпкомъ здоровомъ лицѣ. Онъ напоминалъ собою образецъ искусства игрушечниковъ-кустарей, дѣлающихъ такія куклы — молодцовъ, о которыхъ говорятъ: «кровь съ молокомъ».

Шакшиновъ бытъ плутъ. О немъ товарищъ Тешихина доносила, что онъ часть дѣтскихъ продуктовъ прибираетъ къ рукамъ и торгуетъ ими. Правда, устаповить этого не удавалось, и при провѣркахъ на складѣ у Шакшина всегда все было въ порядкѣ. Борухъ-Мендель душой чувствовалъ, что женщина съ птичьимъ лицомъ права, но ничего не могъ подѣлать. Шакшиновъ бытъ незамѣннымъ на своемъ поску и умѣль добывать продукты, необходимые для дѣтей, точно по щучьему вѣлѣнію.

Сейчасъ Шакшиновъ принесъ на подпись ордера, по которымъ нужно было получить партию продуктовъ. Румянцы на его щекахъ были багровыми, глаза припухли, а изо рта доносился запахъ какого-то ужаснаго спиртного перегара, тщетно маскируемаго леденцомъ, который Шакшиновъ держалъ за щекой и время отъ времени посасывалъ.

— Такъ что, товарищъ Мендель, намъ нужно получить крупу, сахаръ и консервы... Вотъ ордера — извольте подписать.

Борухъ-Мендель взялъ ордера и внимательно прочелъ ихъ содержаніе. Но о пудахъ и фунтахъ, простоявшихъ въ бумагахъ, онъ не имѣлъ никакого представлѣнія. Сколько ихъ должно быть и на какомъ основаніи было исчислено именно это количество, а не другое?

Каждый разъ онъ задавалъ этотъ вопросъ Шакшипову, и каждый разъ Шакшиновъ обстоятельно приводилъ въ подтвержденіе цифры сложную систему выдачъ по дѣтскимъ карточкамъ продуктовъ: четверть того-то и того-то, а четверть сала замѣняется сейчасъ осьмушкой сахарнаго песку, а сало можно бу-

деть получить послѣ 20-го на купонный купонъ... Такъ что выходить всего восемьсотъ двадцать два талона—вотъ ровно это количество...

Борухъ-Мендель былъ совершенно беспомощенъ передъ этой системой и подписывалъ ордера на продукты и на кассу за соответствовавшими полотнищами керенокъ, всецѣло довѣряя соображеніямъ Шакшинова.

Подписалъ и сейчасъ...

Шакшиновъ сложилъ бумаги въ объемистый бумажникъ, и плутоватая улыбка пріоткрыла рядъ бѣлыхъ точно молоко, хищныхъ зубовъ.

— А еще, товарищъ Мендель, миѣ нужно троихъ буржуевъ въ нарядъ... Да товарищъ Костиа просить прислать ему двухъ буржуевъ и одну буржуйку для уборки въ домѣ proletарскихъ дѣтей. Напишите требование въ трудовой отдѣлъ.

Борухъ-Мендель ощутилъ непріятное въ душѣ, точно кто-то влилъ въ нее каплю горечи.

— Хорошо, напишу, идите, — сказалъ онъ какимъ-то не своимъ, потухшимъ голосомъ. — Когда вамъ они нужны?

— Да сегодня еще, къ обѣду.

Борухъ-Мендель взялъ листокъ бумаги оборотная сторона какой-то прокламаціи — и все съ тѣмъ же осадкомъ горечи въ душѣ написалъ требование въ трудовой отдѣлъ.

Это было похоже на то, какъ рабовладѣльцы раньше распоряжались рабами.

Только тамъ рабовъ покупали и продавали, а здѣсь силкомъ сгоняли жалкихъ, дрожащихъ людей, именуемыхъ почему-то «буржуя-

ми», и назначали ихъ на грязныя и унизительныя работы.

«Буржуйского» въ этихъ людяхъ ничего не было — можетъ быть, только ихъ званіе или профессія, въ прошломъ причислявшія ихъ къ привилегированнымъ кругамъ общества. Теперь это были несчастные, выбитые изъ колеи, плохо одѣтые и всегда голодные...

И когда Борухъ-Мендель видѣлъ этихъ новѣйшихъ рабовъ торжествующаго пролетаріата, сердце его сжималось отъ боли, а мозгъ преслѣдовала мысль о воціющей несправедливости.

Эти люди, привыкшіе къ иному труду, очень плохо справлялись съ черной работой. Среди нихъ попадались музыканты, артисты, жены и дочери ученыхъ, писателей и художниковъ... И пролетаріатъ, торжествовавшій побѣду, посыпалъ музыкантовъ переносить тяжести и чистить конюшни, артистовъ — скалывать ледъ на мостовыхъ, а женъ и дочерей известныхъ, доселъ уважаемыхъ лицъ, — отправлять мыть полы въ казармахъ и убирать солдатскіе ретирады.

Это ложилось позорнымъ клеймомъ на торжество освободившихся рабовъ, и Борухъ Мендель опущалъ клеймо позора на себѣ всякий разъ, когда выписывалъ ордеръ на людей. Было стыдно и за себя и за красивую программу, о которой кричала и которую проповѣдывала партія, захватившая власть...

V.

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ помѣщались

подотдѣлы. громкій голосъ сыпалъ градъ протеста:

— Да вѣдь тамъ засѣли буржуи и съ ними не створиться! Весь бы этотъ комиссаріатъ взорвать на воздухъ... Зачѣмъ намъ комиссаріатъ? Только портять дѣло, право слово! Ну, въ самомъ дѣлѣ, на что это нужно всякия смѣты разводить? Есть у насъ время бумагу портить? Прошла эта чиновничья цора, когда ворожами черезъ почту всякие казенные пакеты шли, точно ни-на-есть что важное, а посмотрѣть — такъ плюнешь... Ей-ей... Я, какъ коммунистъ, правильно говорю: сдѣлано, товарищъ, то-то и то-то и все, а смѣты не по нашей части... Имъ бюрократизмъ этотъ самый нужно, а намъ работу подавай! Небось дѣтей-то они не кормятъ своими смѣтами да бумагами... А у насъ 2000 дѣтей сыты, слава Богу!

Борухъ-Мендель улыбнулся: это товарищъ Звонаревъ, его прямой помощникъ, по обыкновенію, громилъ комиссаріатъ, просвѣщенія... Какъ-же, товарищъ Звонаревъ былъ полуграмотенъ и могъ разбираться только въ адресахъ на письмахъ, которыхъ разносилъ недавно, служа почтальономъ при почтамтѣ. Ему было не до составленія смѣтъ, и противъ комиссаріата онъ выкидывалъ всегда арсеналь лозунговъ, почерпнутый изъ летучекъ и говорившій противъ бюрократизма и тому подобныхъ страшныхъ для пролетаріата вещей.

Товарищъ Звонаревъ тоже былъ плохимъ помощникомъ по созданію дѣтскихъ дворцовъ — въ нихъ онъ рѣшительно ничего не понималъ. Но зато онъ могъ разыскивать скамьи, столы или матеріалъ для ихъ изготавленія, и въ этомъ была польза дѣлу.

Видъ у товарища Звонарева былъ крайне

воинственный: ни днемъ, ни ночью онъ не разставался съ громаднымъ наганомъ, висѣвшимъ въ кобурѣ у пояса. Говорить опѣ могъ очень много и очень безтолково. А въ дѣтскихъ домахъ ухаживалъ за руководительницами и пользовался большими успѣхомъ: онъ былъ очень смуглъ съ черными глазами и чертами лица, совершенно несоответствовавшими неинтеллигентной, грубой натурѣ.

Онъ ворвался въ кабинетъ Боруха-Менделя, съ шумомъ хлопнувъ дверью, и сразу наполнилъ всю комнату возбужденными жалобами на комиссаріатъ и его бюрократическая замашки.

Борухъ-Мендель слушалъ его, стараясь уловить суть требованій комиссаріата. Онъ послалъ Звонарева для того, чтобы наладить связь съ центромъ, и теперь жалѣлъ объ этомъ: товарищъ Звонаревъ ничего толкомъ не понялъ изъ того, что говорили ему, и передавалъ лишь свои впечатлѣнія, совершенно бесполезныя и ненужныя.

— Какія же смѣты имъ нужны, товарищъ Звонаревъ? — терпѣливо освѣдомился Борухъ-Мендель.

— А ну ихъ! Это для того только, чтобы волынку разводить... Надо же имъ показать, что и они дѣло дѣлаютъ... Разогнать бы ихъ, по нашему — штыками..

— Нѣтъ, это не то, товарищъ Звонаревъ, я не нужно горячиться. Чего требуютъ отъ насъ въ комиссаріатѣ? Не забывайте, что мы — только маленькая ячейка въ общемъ сотѣ и должны опираться на что-то... Комиссаріатъ — наша опора. Они, очевидно, хотятъ выработать бюджетъ въ общегосударственномъ масштабѣ, и имъ нужно знать, сколько будутъ

стоить наши учреждения. Значитъ, мы должны выработать смѣты, и вамъ придется заняться ими...

У Звонарева была одна черта, дѣлавшая его пригоднымъ ко всякой эпохѣ и всякимъ положеніямъ — немедленно примиряться съ тѣмъ, что очутилось передъ нимъ, и соглашаться со всѣмъ, что выше его пониманія. Дѣлалъ онъ это такъ просто и непосредственно, что ни одинъ наблюдатель не могъ бы заподозрить его въ какой бы то ни было принужденности.

— Ну, ладно, — выпуча черные глаза и округляя ротъ, отвѣтилъ онъ. — Мы имъ сдѣляемъ смѣту... Они ахнутъ даже...

По правдѣ сказать, слово «смѣта» для товарища Звонарева была понятіемъ очень туманнымъ и растяжимымъ, чѣмъ-то среднимъ между сообразительностью ловкаго человѣка, именуемой «сметкой», и какой-то тяжелой повинностью, вродѣ исповѣди. Но человѣкъ, призванный къ созиданію рабоче-крестьянского государства, самъ коммунистъ къ тому-же (правда, коммунистъ всего лишь два мѣсяца), не долженъ задумываться надъ такими пустяками.

— Хорошо, товарищъ Мендель, мы пмъ устроимъ такую смѣту, что будутъ довольны! Ого-го!

Безцѣтная дѣвица-машинистка съ волосами цвѣта мочалки, извѣстная въ отдѣлѣ почти безплодными попытками овладѣть секретомъ «ундервуда» и азами коммунизма, дающими право изъ «сочувствующей» стать «партийной», вошла въ кабинетъ и доложила, что товарища Менделя просятъ къ телефону.

Борухъ-Мендель пошел къ телефонной будкѣ. Она была одна на весь этажъ — въ коридорѣ.

Возлѣ дверей отдѣла столпилось нѣсколько человѣкъ, хмурыхъ, плохо одѣтыхъ, исхудалыхъ и съ землистыми лицами. Въ ихъ глазахъ сквозила злоба, плохо-прикрытая подчиненiemъ силь... Борухъ-Мендель зналъ, кто эти люди, и ему стыдно было смотрѣть на нихъ. Онъ опустилъ глаза, какъ это дѣлалъ когда-то, когда былъ раввиномъ, при столкновеніи съ женщиной. Но тогда женщина была предметомъ недостойнымъ вниманія, и онъ не замѣчалъ ея... А этимъ людямъ было неловко посмотреть въ глаза... Стыдно. Кровь бросалась въ голову, порываясь окрасить щеки яркимъ румянцемъ...

Это были «буржуи» — рабы новой власти, рабочія руки нового правительства, созидавшаго мужицко-рабочее государство.

И Мендель хотѣлъ проскользнуть мимо нихъ незамѣтно. Съежиться до размѣровъ пылинки и шмыгнуть невидимкой.

Нахмутивъ брови, съ озабоченнымъ выражениемъ лица, какъ человѣкъ, занятый и дорожающій каждой секундой, онъ миновалъ эту группу...

VI.

— Али!

Возгласъ настигъ его сзади и показался голосомъ изъ иного міра, похороненнаго и тлѣвшаго на кладбищѣ смутныхъ воспоминаний...

— Али! Это вѣдь ты, Али?!

Шумъ шаговъ—торопливый стукъ каблучковъ, и сильныя мягкия руки опустились на плечи, потянули къ себѣ... Передъ нимъ встало лицо, то самое лицо, что владѣло его мыслями, и ожила женщина — та женщина, что была дороже жизни, дороже счастья...

— Али, мой Али! Конечно, это ты? Развѣ ты не узналъ меня?

И радостью и страстными нѣжными нотками звучалъ этотъ голосъ, разрушая громадную и сложную стѣну времени и событий... Точно вчера былъ вечеръ, когда эти руки опустились на его плечи съ прощальнымъ привѣтствіемъ. Борухъ-Мендель отшатнулся, какъ отъ призрака, а руки, наоборотъ, потянулись къ этому призраку и крѣпко сжали его плечи.

— Настя... Настенька...

Той же нѣжностью, той же горечью и, жаждой счастья прозвучалъ его голосъ—робкій и тихій — и замеръ въ полу вопросѣ...

— Настенька...

Смѣющееся безусое лицо красногвардѣца — наглое лицо мальчишки, знающаго отношенія полювъ по скабрезнымъ анекдотамъ, вдругъ попало въ поле зрѣніе Боруха-Менделя и вернуло его къ дѣйствительности.

Такъ пельзя... Это же совѣтъ, и онъ долженъ говорить по телефону... Опять-таки дѣтскіе сады, дворцы... Почему же вдругъ Настя?

И на его лицѣ проскользнули самыя разнородныя выраженія, а глаза женщины, знакомые до послѣдней искорки, жадно ловили эти выраженія, точно смывали ихъ...

— Ахъ, Али, какъ я рада видѣть тебя! Али, мой дорогой, скажи, что это не сонъ, и что это ты... Впрочемъ, ты назвалъ меня

Насте́йкой, и этого довольно... Что ты дѣла-
ешь здѣсь? А ты знаешь, что я попала въ
буржуйки? Ахъ...

Опять бѣлобрысая барышня подошла и
нацомнила, что у телефона ждетъ товарищъ
Израилевичъ... Предсѣдатель исполкома...

Борухъ-Мендель оторвался отъ Нasti и по-
шелъ къ телефону, медленно и сгорбившись:
міръ похороненный выслалъ къ нему вопло-
щенныхъ призраковъ, и это было тяжело...
Тяжело и радостно... Вдругъ показалось, что
все окружающее — пенужный сонъ, а жизнь
и дѣйствительность —то, что было въ Москвѣ,
когда текли дни радости и счастья, когда го-
рѣла душа въ сказкѣ любви.

А Настя смотрѣла ему вслѣдъ долгимъ
пристальнымъ взглядомъ, и во взглядѣ этомъ
странно боролись радость съ недовѣріемъ,
счастье встрѣчи съ боязнью, что все это снит-
ся наяву.

Красногвардеецъ фамильярно взялъ ее
подъ локотъ.

— Ну, буржуйка, не навостри лыжи чего
доброго...

Дикій огонь вспыхнулъ въ глазахъ Нasti.
Она гнѣвно и презрительно оттолкнула маль-
чугана.

— Ну, ты еще не доросъ, чтобы держать-
ся за бабъ, — крикнула она. — Молоко оботри
на губахъ... Нашелся тоже...

Неукротимый нравъ кокотки такъ и забур-
лилъ въ ней, закипѣлъ и забился въ груди...

— Того... потише, буржуйка, — опѣшилъ
красногвардеецъ и отодвинулся. — Вонъ заста-
вятъ цолы мыть, такъ узнаешь.

— Ого! Полы мыть — не тебя, щенка,
родить... Кто былъ тутъ сейчасъ? сказывай!

На мальчишку огорашишаще подъявствовали и тонъ и манеры Насти. Точно власть почувствовалъ надъ собой разнужданный молокососъ.

— Кто? Иавѣстно — комиссаръ тутощній, — отвѣтилъ онъ и добавилъ полуробко, больше для сохраненія авторитета: — какъ вы, гражданка, взяты на работы, то и не разбѣгайтесь отъ кучи... За васть отвѣчать мнѣ что-ли?

— Заговорилъ по иному, — злорадно засмѣялась Настя. — А кто взять на работы, кто нѣть — еще посмотримъ...

Борухъ-Мендель показался снова въ коридорѣ, и она кинулась къ нему навстрѣчу.

— Такъ ты — комиссаръ, Али? Вѣтъ это хорошо. А то меня взяли на какія-то работы, Али? Подумай, твою Настеньку забрали, какъ послѣднюю буржуйку... Ну гдѣ же твоя комната? кабинетъ? Проводи меня къ себѣ, поговоримъ...

Она крѣпко подхватила подъ руку Борухъ-Менделя и повлекла его въ отдѣль, въ тѣ двери, откуда онъ вышелъ, увѣренно и свободно, точно всю жизнь ходила съ нимъ по этимъ комнатаамъ. А онъ шелъ въ какомъ-то странномъ состояніи, точно лунатикъ, ничего не видя и не соображая.

VII.

— Навѣрное здѣсь? Да?

Настя ткнула рукой по направленію къ дверямъ кабинета Боруха-Менделя — единственнымъ дверямъ въ комнатѣ отдѣла, и почти протащила за собой комиссара. Передъ Борухомъ-

Менделемъ промелькнули, какъ во снѣ, изумленные лица машинистки, Звонарева и опять откуда-то появившагося Шакшинова...

То, что видѣли эти люди, было такъ необычно, такъ не вязалось съ особой ихъ начальника — тихаго, кроткаго, застѣнчиваго съ дамами, что даже Шакшиновъ, человѣкъ искушенный во многомъ, вытаращилъ глаза и остолбенѣлъ, и когда странная пара скрылась въ кабинетѣ, выдохнулъ, потирая лобъ:

— Ну и баба! Откуда она взялась?

— Буржуйка, на работы пригнали. А, должно быть, старая знакомая нашего, — высказалъ соображеніе Звонаревъ...

— Бабецъ, что надо! Шикарная, чортъ возьми! А только гдѣ нашему тихонѣ было поддѣлить такую буржуйку... Вѣдь она изъ пѣвицъ, не иначе... Видали мы такихъ-то въ кафе-шантанахъ... А, товарищъ Панкина?

Бѣлобрысая машинистка, къ которой относился вопросъ, передернула плечами, изобразивъ этимъ движениемъ полное презрѣніе къ вещамъ изъ буржуазнаго міра и въ томъ числѣ къ Шакшинову, и уткнулась въ свой ундервудъ. Въ азахъ коммунизма ничего не говорилось о пѣвицахъ изъ кафе-шантановъ и не была предусмотрѣна возможность ихъ появленія на горизонти совѣта, и потому товарищъ Панкина не желала имѣть на этотъ счетъ какого либо мнѣнія. Что же касалось любовнаго опыта, то онъ отсутствовалъ у товарища Панкиной по причинѣ отъ нея независящей и скрывавшейся въполномъ отсутствіи интереса къ ней со стороны мужскаго пола.

Только въ кабинетѣ Борухъ-Мендель оправился и пришелъ въ себя. Нѣтъ, это не было сномъ, и не призракъ стоялъ передъ нимъ,

улыбаясь доброй нѣжной улыбкой и струя не-поддѣльную радость изъ бездны черныхъ глазъ, той знакомой бездны, изъ которой такъ манилъ и пьянилъ огненный грѣхъ.

Это была живая Настя, та самая, вѣсточки отъ которой такъ долго и такъ тщетно ждалъ Борухъ-Мендель въ Рудогаѣ.. Это была та самая Настя, предательница, приведшая полицію на квартиру Давида Марковича въ далекой Москвѣ... Это была та самая Настя, пода-рившая ему лучшее, что можетъ быть на свѣтѣ — счастье, радость любви и жизни... Да, это она...

И Борухъ-Мендель не могъ оторвать глазъ отъ ея радостнаго, улыбающагося лица. Оно совершенно не измѣнилось — было такимъ же красивымъ, такимъ же молодымъ и свѣжимъ, хоть прошло уже два года со дня ихъ разлуки... Оно было такое же, какъ тогда, когда онъ вернулся къ Настѣ послѣ попытки бѣжать отъ нея — такое же счастливое, улыбающееся и манящее.

И сейчасъ оно медленно-медленно прибли-зилось къ нему вплотную, такъ что жаръ дыханія обдалъ его лицо, а красные полныя губы впались въ его ротъ сладкимъ мучитель-нымъ поцѣлемъ...

— Ты радъ, Али? Скажи, ты радъ?

Онъ былъ радъ. Онъ не могъ словами пе-редать тѣхъ сложныхъ чувствъ, что обурева-ли его въ этотъ моментъ, и отвѣтилъ свѣтлой улыбкой и нѣжнымъ движеніемъ привлекъ ее къ себѣ. Прошлое воскресло и снова взяло его въ плѣнъ. Онъ это почувствовалъ всѣмъ суще-ствомъ своимъ, но не хотѣлъ сопротивляться: прошлое было ярко и прекрасно.

— Да, я радъ... Я ждалъ тебя, Настенька.

Она изумилась, не понявъ его.

— Ждалъ меня? Развѣ ты зналъ, что я въ Питерѣ?

Борухъ-Мендель грустно покачалъ головой.

— Нѣтъ... Ждалъ тогда... Въ Рудогаѣ...

Она словно смущилась немнога. Чуть покраснѣла и отвела глаза въ сторону.

— Ахъ, Али, тогда... Миленький Али, тогда было много пехорошаго, и я постушила очень скверно... Но тебя я всегда любила и люблю, Али, только тебя... Понимаешь ты это?

О, да, онъ понимаетъ это, его душа чувствовала правду въ ея словахъ и любовь въ ея сердцѣ. Иначе прошлое такъ легко не овладѣло бы имъ. Да, онъ зналъ, что многогрѣшное сердце Насти принадлежитъ ему, и разъ она явилась — все забыто, все прощено, точно блудной дочери — любимой и желанной.

— Да, да, Настенька... Да...

— Видишь, Али, много было со мной вся-
каго — и добра и лиха, всего не перескажешь сразу, дорогой... А тогда былъ черниговецъ, ахъ, мерзавецъ какой оказался! Помнишь его? Помнишь, все онъ обѣщаль мнѣ и деньгами сорилъ, точно пылью, а потомъ, когда я уѣхала къ нему въ имѣніе, онъ показалъ себя... Ахъ, подлый... Онъ меня въ одной рубашкѣ выбросилъ изъ дома ночью, понимаешь?

Борухъ-Мендель сидѣлъ на стулѣ, а она опустилась возлѣ ногъ его въ позѣ вѣрной рабыни и говорила. Тонкіе пальцы его нѣжно путались въ ея прическѣ подъ пуховыимъ кокетливымъ платочкомъ, накинутомъ на голову вмѣсто шляпки, и пальцы эти дрожали, точно струны, передававшія музыку души.

— Я цѣлую версту бѣжала къ знакомому

ротмистру на хуторъ — тамъ стоялъ эскадронъ гусаръ — подъ дождемъ, босая и въ сорочкѣ... Подумай, какой мерзавецъ...

И воспоминаніе пережитой непріятности пробуждало въ ней ненависть. Страстная натура ея не умѣла прощать и быть безразличной.

— Ну, а ты, Али какъ? Что ты дѣлалъ? Гдѣ твоя семья? Жена? дѣти?

— Умерли, — уронилъ онъ тихо, точно деревянно...

— Умерли? Ахъ, ты бѣдный...

Но потокъ сочувствія оборвался на ея устахъ... Борухъ-Мендель былъ равнодушенъ къ гибели семьи — это ясно читалось на его лицѣ, и Настя рѣшила замолчать — не стоять растравлять душу человѣка! И быстро, съ женской ловкостью она перевела бѣгъ мысли въ другое направленіе.

— Ахъ, Али, когда я увидала тебя, я думала, что это не ты, а кто-то, очень похожій на тебя. Я испугалась даже — такъ страшно было бы ошибиться. Но потомъ я узнала тебя совсѣмъ и кинулась за тобой... На меня смотрѣли, какъ на сумасшедшую...

Въ дверь постучали... Настя вспорхнула съ пола и отошла немного въ сторону. Въ дверь просунулось лицо Звонарева.

— Товарищъ Мендель, тамъ красногвардеецъ проситъ записку о принятіи отъ него гражданки буржуйки... Остальныхъ нужно вести на работы.

Борухъ-Мендель вздрогнулъ, кинулъ быстрый взглядъ на Настю и покраснѣлъ вдругъ. Стало не по себѣ, точно его поймали на мѣстѣ преступленія.

— Сейчасъ... Я самъ...

И не зная еще, какъ выйти изъ глупаго

положенія, Борухъ-Мендель выбѣжалъ изъ комнаты вслѣдъ за Звонаревымъ.

— Что же такое, — смущаясь заговорилъ онъ. — Какую записку нужно?

— А я напишу, товарищъ Мендель, а вы подпишите. Вотъ.

Звонаревъ взялъ перо и набросалъ нѣсколько безграмотныхъ неуклюжихъ словъ: «гражданка буржуйка оставлена на работѣ при отдѣлѣ».

Краска гуще залила щеки Менделя, когда онъ подписывалъ эту бумажку. Онъ совершилъ сейчасъ проступокъ противъ гражданскаго долга, онъ сознавалъ это, и ему было невыносимо стыдно, но иначе онъ поступить не могъ...

— А вѣдь товарищу Костину нужна была... она... — съ трудомъ, точно извиняясь, вымолвилъ онъ.

— Плевать! если очень нужно, можетъ и его жена помочь — невелика барыня!

И точно разрѣшивъ этимъ всѣ сомнѣнія, товарищъ Звонаревъ выбѣжалъ изъ комнаты, размахивая бумажкой — высушивая свѣжія чернила.

Борухъ-Мендель вернулся въ кабинетъ, точно скинутый вдругъ съ облаковъ. Появленіе Насти уже внесло безпорядокъ въ ходъ жизни аппарата, которому служилъ онъ. Прямая и честная натура Боруха-Менделя не находила существенной разницы между маленькимъ и большимъ зломъ и неспособна была находить оправданія для себя... И онъ понялъ и четко почувствовалъ въ этотъ моментъ, что **жившее прошлое** выбѣть его изъ колеи на-

стоящаго и бросить на край бездны, а можетъ быть и въ самую бездну...

VIII.

Первый восторгъ встрѣчи откипѣль въ душѣ Нasti. Она окинула взглядомъ комнату-кабинетъ, и во взглядѣ этомъ было и неудовольствие и словно разочарованіе. Борухъ-Мендель сидѣлъ возлѣ стола и съ тихой мечтательной улыбкой слѣдилъ за ней.

— Ты — комиссаръ и у тебя нѣтъ болѣе приличной комнаты? Это такъ похоже на тебя, милый Али... Но этого не должно быть... Знаешь, мой любимый...

Она подошла и мягкимъ ласковымъ движеніемъ кошки опустилась къ нему на колѣни. Борухъ-Мендель не протестовалъ. Сквозь мѣховую шубку проступало тепло ея тѣла, и ощущать его было пріятно. Онъ бережно охватилъ ея станъ рукой...

— Вотъ ты и вернулась ко мнѣ, Настенька, — заговорилъ онъ съ бархатомъ неизмѣримой вѣжности въ голосѣ. — Вотъ ты и пришла. Этого хотѣлъ, значитъ, Богъ...

— И уже не уйду, Али, мой дорогой, никогда не уйду... Ты лучше всѣхъ, ты милѣе всѣхъ для меня... А ты гдѣ живешь?

— Въ этомъ же домѣ, Настенька...

Ему доставляло томное удовольствіе произносить ея имя, и онъ повторялъ его, прибавляя почти къ каждой фразѣ, къ каждому слову. Звукъ этого имени точно воскрешалъ прошлое, будилъ чувства въ груди, зажигая и пыня ихъ...

— Ну вотъ, вѣроятно одна комната, вродѣ этой? — недовольно протянула она.

— А зачѣмъ мнѣ больше, Настенька? А намъ съ тобой развѣ нужно больше?

Онъ крѣпче прижалъ ее къ себѣ, и дыханіе его, подъ напоромъ чувствъ, стаповилось чаще и напряженіе.

— Ну, да... Ты такой ужъ есть, миленький Али, но хорошо, что притла я... Мы все устроимъ по иному. Посмотрѣлъ бы ты, какъ живутъ комиссары въ Москвѣ... Ого! Теперь я буду твоимъ секретаремъ и все устрою. Согласенъ?

Она струила его волосы въ своихъ пальцахъ и смѣялась — радостная, счастливая. Умъ ея, привыкшій къ практическимъ комбинаціямъ, въ то же время оцѣнивалъ положеніе, прикидывалъ и соображалъ. И соображенія эти удовлетворяли ею. Она еще не знала какъ, но была увѣрена, что достигнетъ многаго изъ благъ жизни.. Вмѣстѣ, конечно, съ Борухъ-Менделемъ, съ Али...

Бѣлобрысая машинистка принесла бумаги для подписи — пѣсколько отношеній,пустячныхъ и почти ненужныхъ. Для нея это былъ только предлогъ, чтобы войти въ кабинетъ и взглянуть на особу, такъ внезапно ворвавшуюся въ мирное теченіе жизни отдвѣла.

Настя успѣла соскользнуть съ колѣнъ Менделя и накинула платокъ на голову. Бѣлобрысая барышня не отличалась психологическими способностями и потому не вынесла никакихъ впечатлѣній: «должно быть разговаривали» — подумала она.

Пока Борухъ-Мендель прочитывалъ и подписывалъ бумаги, Настя заглянула въ нихъ черезъ его плечо. Мендель ставилъ свою под-

пись подъ словами: «завѣдующій культ.-просв. отдѣломъ.»

Это ее удовлетворило вполнѣ.

— Знаешь, Али, я пойду къ себѣ въ гостиницу... Ты не знаешь еще, что я всего три дня, какъ прѣхала изъ Москвы? Ну да... Остановилась въ гостиницѣ, а у меня документъ, какъ артистки Эрмитажа. Въ Москвѣ съ такими бумагами никого не трогаютъ, а вотъ въ Питерѣ по другому! Меня причисляли къ буржуйкамъ и погнали на работу. Подумай только, меня!

Она вспомнила вдругъ, что у нея нѣтъ другого документа, и снова могутъ выйти непріятности — такое поганое время настало!

— Слушай, Али, ты долженъ мнѣ дать какой-нибудь мандатъ... Иначе твоя Настенька снова попадетъ въ бѣду и не доберется до тебя.

— Мандатъ?

Борухъ-Мендель меньше всего ожидалъ возможности такого оборота дѣла.

— Какой же я могу тебѣ выдать мандатъ, Настенька? — спросилъ онъ, невольно хмуря брови.

— Ну какой хочешь, только чтобы въ немъ говорилось, что я — честная пролетарка и не подлежу никакимъ работамъ... Это ужъ ты самъ выдумай... Лучше всего, знаешь, возьми меня къ се ю на службу!

Это было еще болѣе неожиданно, чѣмъ требование мандата. Но Борухъ-Мендель вполнѣ серьезно отнесся къ словамъ Насти.

— На службу? Видишь ли, Настенька, мнѣ нужны, дѣйствительно, люди, но это для дѣтскихъ клубовъ... Развѣ ты можешь заниматься съ дѣтьми?

Изумление отразилось въ ея глубокихъ грѣховыхъ глазахъ. Потомъ она разсмѣялась — звонкимъ колокольчикомъ разсыпался смѣхъ по всему отдѣлу.

— Съ дѣтьми... ха-ха-ха! Могу и съ дѣтьми, Али, миленькой, особенно съ мальчиками.. Хорошо, принимай меня на службу къ дѣтямъ, только сейчасъ же пиши мандатъ...

Борухъ-Мендель чувствовалъ, что за покладистостью Насти скрывается что-то другое. Но не хотѣлъ углублять разговора. Пусть. Настя соглашается работать въ клубѣ, и она можетъ имѣть тогда мандатъ. Дальнѣйшее будетъ видно.

— Хорошо, Настенька, я папишу тебѣ мандатъ. Ты будешь въ первомъ домѣ пролетарскихъ дѣтей.. Потомъ увидимъ, на что ты будешь способна.

Безудержная веселость обуревала Настю. Но она старалась все-таки не смѣяться. Бѣдный честный Али, дѣйствительно, думалъ, что она пойдетъ работать въ клубѣ! Но пусть думаетъ, что хочетъ... сейчасъ нуженъ только мандатъ...

Борухъ-Мендель написалъ нѣсколько фразъ на бумажкѣ и самъ отнесъ машинисткѣ. Бѣлобрысая дѣвица прочла, немного удивилась, но въ азахъ коммунизма имѣлись указанія, что главная добродѣтель коммуниста — пѣчиненіе вѣщи, дики, центру и непосредственному начальнику, а потому не задала никакого вопроса.

Спустя пять минутъ мандатъ былъ написанъ, снабженъ печатью и подписанъ. Настя сложила и запрятала его въ карманъ.

— Ну, Али, теперь жди меня къ себѣ совсѣмъ. У меня веџей всего одинъ сундукъ... Я его прямо доставлю въ твою комнату. Хорошо?

Могъ ли Борухъ-Мендель думать сейчасъ иначе, чѣмъ думала она? Не могъ. Онъ, впрочемъ, даже не думалъ объ этомъ. Все было ясно и такъ: разъ явилась Настя, и она любитъ его, то ея мѣсто возлѣ него, какъ когда-то его мѣсто было возлѣ нея.

Такъ ясно и просто...

IX.

Борухъ-Мендель долго сидѣлъ въ кабинетѣ, точно застывъ на стулѣ.

Появленіе Нasti стерло грань лѣтъ и событий между настоящимъ и тѣмъ, что было тогда, въ 15-мъ году въ Москвѣ... Онъ видѣлъ себя одинокимъ, брошеннымъ въ изгибы темныхъ московскихъ улицъ съ талесомъ подмышкой... Безъ крова, подъ мягкими хлопьями снѣга, падавшаго изъ черной пустоты, брѣль онъ, не зная, гдѣ голову преклонить, прячась отъ городовыхъ и пугаясь встрѣчныхъ, точно отмѣченный печатью Каина... И видѣлъ Настю, вдругъ появившуюся изъ снѣжной мглы, ея звѣзды-глаза, странно засвѣтившіеся передъ нимъ въ тотъ моментъ, когда онъ, усталый тѣломъ, ослабъ и духомъ..

Это былъ мигъ начала паденія въ бездну... счастья...

И все, что было потомъ, все, что касалось Нasti, оживало ярко, до ничтожныхъ мелочей, въ памяти, горѣло въ ней огненнымъ

узоромъ... А все остальное проходило въ дымкѣ, было неважнымъ и умершимъ уже...

И люди, случайно бывшіе въ то время вокругъ, вставали какъ блѣдные призраки въ памяти. Молча скользили и уходили: и Давидъ Марковичъ, и Файвель, и Вѣрочка, и Вероника — все они были простымъ фономъ, на которомъ жило и было существеннымъ только одно — Настя...

И сознаніе, что она опять пришла, что недавно, въ сколько минутъ тому пазадъ, она сидѣла у его ногъ, и потомъ онъ ощущалъ ея тепло и ея ласку, — наполняло его тихой, но звонкоструйной радостью... Радость эта плескала и билась о грани души, наполняя ее, точно драгоценная, искристая влага въ хрустальномъ сосудѣ...

Нѣтъ, Борухъ-Мендель ни о чемъ не могъ думать, ничего не могъ дѣлать... Радость и золото счастья, мелькавшее передъ глазами, мѣшиали отдаться какой бы то ни было работѣ.

Раньше когда-то онъ боролся, онъ сопротивлялся счастью, гналъ его отъ себя, защищаясь великой мощью молитвъ и мудростью старыхъ книгъ...

Борухъ-Мендель печально улыбнулся, точно вспомнилъ близкаго друга, умершаго и похороненаго...

— Да, — вымолвилъ онъ вслухъ, — а развѣ рудогайскій реби не умеръ вмѣстѣ съ Рудогаемъ? Нѣтъ Рудогая, нѣтъ и его реби... Но есть зато товарищъ Мендель — мечтатель, и есть еще... Настенька...

Онъ прислушался къ звуку этого имени въ собственныхъ устахъ, и печаль улыбки растаяла въ тихой нѣжности, озарившей лицо...

— Да, она пришла...

Раздался стукъ въ дверь. Боруху-Менделю показалось, что это вернулась Настя, и онъ рванулся къ двери...

Но вошла не Настя, а бѣлобрысая машинистка.

— Товарищъ Мендель, васъ требуютъ въ исполкомъ. Велѣли сказать, что засѣданіе началось уже.

Борухъ-Мендель забылъ уже объ этомъ, забылъ, что тов. Израилевичъ назначилъ по телефону это засѣданіе. Не идти нельзя было — онъ вѣдь комиссаръ отдѣла, а такъ не хотѣлось уходить отсюда, куда должна скоро придти Настя.

— Иду, — сказалъ онъ покорно. — А вы, товарищъ, если придетъ эта женщина, скажите ей, что я на засѣданіи.

Сказалъ и покраснѣлъ самъ — стало вдругъ неловко передъ этой безцвѣтной дѣвицей. Но она — сплошной ходячій долгъ службы — ничего не замѣтила, ничего не поняла и отвѣтила безстрастно:

— Хорошо, товарищъ Мендель, я скажу...

На засѣданіи въ громадномъ кабинетѣ предсѣдателя, обставленномъ тяжелой кожаной мебелью, собрались хорошо знакомыя лица — завѣдующіе отдѣлами совѣта. Среди нихъ только Мендель не былъ партійнымъ, но его считали человѣкомъ не отъ міра сего, мечтателемъ, вѣрившимъ въ идеи коммунизма, а потому — своимъ.

И относились къ нему съ лаской и тѣмъ покровительственнымъ панибратствомъ, съ какимъ относятся къ слабымъ, умственно-увѣчнымъ людямъ — чудакамъ и юродивымъ.

— Товарищъ Мендель, вѣроятно, сочинялъ проектъ всемірнаго дѣтскаго дворца, — встрѣ-

тиль его громовымъ басомъ жилищный комиссаръ Нелюбинъ — элегантный человѣкъ въ военномъ костюмѣ съ выпрѣвкой кадроваго офицера. — Вѣрно, товарищъ Мендель? А?

— Или рѣшалъ проблему замѣны столовъ и стульевъ въ дѣтдомахъ окнами, — подхватилъ Корневъ — секретарь исполкома, длинный и тонкій, какъ хлыстъ, юнецъ лѣтъ 20.— Во всякомъ случаѣ на повѣсткѣ мы имѣемъ докладъ тов. Менделя о дѣтдомахъ, а значитъ, придется слушать о столахъ и окнахъ.

Борухъ-Мендель улыбнулся и занялъ свое мѣсто за круглымъ столомъ, не отвѣчая на шутки. Впервые засѣданіе, на которомъ обсуждались и строились полные жгучаго интереса планы созиданія жизни въ районѣ, не имѣло для него значенія и было чѣмъ-то постороннимъ и ненужнымъ.

Это открытие изумило и даже испугало его. Дѣло, которому онъ пошелъ служить, было колоссальнымъ и требовало всей души... А теперь часть души, вѣрилъ вся она, была съ Настей. Здѣсь же сидѣла только тѣлесная оболочка Боруха-Менделя. И эта оболочка прислушивалась къ тому, что говорятъ, запоминала яркія мѣста рѣчей и докладовъ, но не реагировала на нихъ.

Обыкновенно Борухъ-Мендель участвовалъ въ преніяхъ, если они касались строительства жизни, а не политики. Его рѣчи, всегда логически построенные, съ громаднымъ темпераментомъ и запасомъ житейской мудрости, старой, какъ міръ, покоящейся въ древнихъ фоліантахъ, часто имѣли рѣшающее значеніе. Коллеги не безъ ироніи бросали ему упрекъ: «метафизикъ!», но это не мѣшало имъ

прислушиваться къ его рѣчамъ и черпать изъ нихъ поправки къ резолюціямъ.

У Боруха-Менделя было большое преимущество передъ ними: привычка къ мышленію и комментаріямъ. Красивая гладкая фраза не ослѣпляла его, а заставляла искать сокровеніаго смысла, и этотъ смыслъ всегда развертывался передъ слушателями — прямой и убийственный въ своей наготѣ.

Сегодня Борухъ-Мендель молчалъ. Ничто не могло взволновать или зажечь его.

Онъ слушалъ, но мыслю былъ далеко отсюда.

Предсѣдатель нѣсколько разъ поглядывалъ на него, порываясь что-то сказать, но не рѣшался. Наконецъ, во время минутнаго нѣвольнаго перерыва, спросилъ:

— Что съ вами, товарищъ Мендель? Вы больны?

Борухъ-Мендель вздрогнулъ, точно взглядъ предсѣдателя проникъ въ его тайну.

— Нѣтъ... я, кажется, здоровъ... — растерянно проговорилъ онъ. — Но мнѣ нечего говорить.

— А докладъ будете дѣлать?

Борухъ-Мендель занесъ на повѣстку докладъ по отдѣлу и другой — о дѣтскомъ дворцѣ. Но сейчасъ все это обезпѣнилось въ его глазахъ, и онъ сказалъ устало:

— Только по отдѣлу, товарищъ предсѣдатель.

Предсѣдатель улыбнулся. Нелюбинъ пребасилъ насмѣшливо:

— О воздушныхъ замкахъ, значитъ, слушать не будемъ сегодня?

Борухъ-Мендель покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ, ни о замкахъ, ни о дворцахъ. Я предпочитаю слушать ваши проекты о переселеніи людей изъ хижинъ во дворцы...

Корпевъ засмѣялся. Засмѣялся и черный маленький, похожій на жука, комиссаръ соціального обезпеченія — Гельфаандъ. Всѣмъ было извѣстно, что Нелюбинъ пока переселился только себя и свою семью въ великолѣпную квартиру, брошенную миллионеромъ Лапшинымъ.

— Товарищи, къ дѣлу! — остановилъ предсѣдатель. — На повѣсткѣ еще 12 вопросовъ — мы такъ не кончимъ и къ ночи.

Х.

Комната Боруха-Менделя была въ третьемъ этажѣ — въ мансардной надстройкѣ, гдѣ раньше, вѣроятно, помѣщалась прислуга высшаго ранга князей Долгорукихъ: бонны, гувернантки, камеристки и камердинеры.

Окно выходило во дворъ, за которымъ начинался садъ, весь занесенный снѣгомъ. Среди сугробовъ едва помѣчались дорожки, когда-то содержавшіяся въ образцовомъ порядкѣ. Теперь мѣсто ихъ можно было опредѣлить лишь по ровной линіи деревьевъ, подступившихъ къ краямъ былыхъ аллей.

Комната была узкая, довольно помѣстительная, но изъ мебели въ ней находился лишь громадный мягкий диванъ, обитый краснымъ сафьяномъ, столъ, три разрозненныхъ стула и много книгъ.

Книги лежали на окнѣ, на столѣ, занимали стулья и беспорядочными стопками разбросаны.

сались на полу, по дивану и вездѣ, куда можно было ихъ сунуть.

Борухъ-Мендель три мѣсяца занималъ это помѣщеніе и привыкъ его видѣть такимъ — неприбраннымъ, съ разными бумажками и соромъ на полу, съ остатками пищи въ сверточкахъ на окнѣ, на столѣ, а иногда и на стульяхъ...

Когда онъ возвращался послѣ засѣданія по темнымъ коридорамъ домой, онъ думалъ о Настѣ. Въ душѣ была боязнь, что она почему-то не пришла—можетъ быть, не нашла его комнаты; можетъ быть, съ ней опять что-нибудь случилось...

Маленький коридорчикъ—проходъ къ ваннымъ комнатамъ, — отдѣлялъ его помѣщеніе отъ остального дома. Борухъ-Мендель вошелъ въ коридорчикъ, и сердце его дрогнуло радостью: сквозь стеклянный верхъ дверей его комнаты лился яркій свѣтъ электричества.

Онъ остановился возлѣ дверей, блаженно улыбаясь, какъ человѣкъ, совершившій утомительный путь и подошедшій, наконецъ, къ теплу и свѣту родного очага.

Она здѣсь... запѣло сердце ликующе.

Она здѣсь,—откликнулась сердцу душа.

А мысль? Мысль отсутствовала, уступивъ мѣсто голосу души и сердца.

Онъ нажалъ ручку и вошелъ, не предупреждая стукомъ. Глазъ успѣлъ только замѣтить какое-то пестрое яркое облако, кинувшееся къ нему навстрѣчу.

— Али! Наконецъ-то...

И пестрое облако обрушилось на него внѣйшнимъ тепломъ женщины, обвило его шею крѣпкимъ объятьемъ и замерло на мгновеніе.

— Какъ я тебя ждала, ждала! О, Али, какъ долго у васъ бывають засѣданія. Нежели нельзя было раньшѣ?

Первая буря ласкъ и упрековъ отгремѣла и стихла. Борухъ-Мендель окинулъ взглядомъ свою комнату и съ трудомъ узналъ ее.

Прежде всего въ ней пахло Настей. Это былъ тотъ же запахъ какихъ-то странныхъ духовъ, пудры и еще чего-то, какъ и тамъ — въ Москвѣ... Запахъ сладкій и волнующій...

Потомъ... въ комнатѣ прибавилось мебели. Кокетливый туалетный столикъ помѣстился въ углу рядомъ съ кафельной печкой. Сафьяновый диванъ перемѣнилъ положеніе — перѣхалъ къ другой стѣнкѣ и былъ покрытъ какой-то мохнатой тканью — не то текинскимъ ковромъ, не то удивительной какой-то шалью. Два тяжелыхъ сафьяновыхъ кресла подъ пару дивану громоздились возлѣ небольшого столика, прикрытаго плюшевой скатертью, образуя осоіый уголокъ... Книги правильными рядами выстроились на этажеркѣ, а часть ихъ заняла окно.

Было чисто и уютно...

— Нравится тебѣ все это? — спросила Настя. — Такъ, по моему, лучше. Потомъ мы устроимся получше, конечно, а пока можно и такъ... Ты — комиссаръ и тебѣ нужно жить хорошо. Ну скажи, развѣ не умница я?

— Все это прекрасно, Настенька, но откуда ты взяла эти вещи?

— Да здѣсь ихъ полный домъ... Въ одномъ каретномъ сараѣ столько мебели, что можно обставить дворецъ. Я пошла къ дворнику, и мы съ нимъ сдѣлали что нужно. Вотъ видишь: и коверъ и все... Я хотѣла выбрать

еще пару картинъ, но устала очень. Выберу завтра... Ну, ты доволенъ?

Борухъ-Мендель улыбнулся: женщина прежде всего женщина, и ей необходимо прежде всего позаботиться о виѣшней сторонѣ жизни.

— Все хорошо, Настенька, но боюсь, что ты трудилась напрасно: совсѣтъ на-дняхъ перебирается въ новое помѣщеніе, а это пойдетъ подъ домъ пролетарскихъ дѣтей... Придется и намъ мѣнять квартиру.

— Перемѣнимъ. А пока будемъ жить тутъ и любить, — добавила она, метнувъ на него искры глазъ, всколыхнувшія въ немъ кровь...

XI.

Все произошло такъ просто.

Пришла Настя, какъ приходитъ хозяйка домой послѣ отсутствія, и заняла свое мѣсто.

И потому, что все произошло такъ просто и естественно, Боруху-Менделью казалось, что иначе и не могло быть. Годы, промелькнувшіе со дня ихъ послѣдней встрѣчи въ Москвѣ, точно не существовали или были разлукой, вызванной необходимостью.

Теперь они снова вмѣстѣ, и все должно было идти по особому пути, по какому — это было все равно для Боруха-Менделя.

Настя хлопотала, приготавляя ужинъ. Она добыла откуда-то маленькую электрическую плитку и жарила что-то на ней въ сковородкѣ. Острый, но вкусный запахъ наполнялъ комната...

Борухъ-Мендель сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ за маленькимъ столикомъ и ждалъ, пока она кончить возню съ ужиномъ. Быть онъ не хотѣлъ, но ему пріятно было видѣть ея возню, ея хлопоты. Пестрый шелковый капотъ на ней щоминутно съѣзжалъ внизъ, обнажая бѣлое круглое плечо и пухлую руку, красивую и полную, еще не потрепанную временемъ. Лицо Насти разрумянилось, влага пота осѣла на кругломъ лбу, и она казалась Боруху-Менделю еще милѣе, еще болѣе близкой въ этомъ домашнемъ, немного растрепанномъ видѣ...

— Ну вотъ и готово, мой милый Али... Сегодня я ничего не могла достать на ужинъ, кромѣ этого, но завтра будетъ другое... Видишь, это только сушепая вобла. Я размочила ее какъ слѣдуетъ и зажарила на маслѣ съ головкой лука. А потомъ будетъ кофе... Кофе я привезла немного съ собой изъ Москвы

Свое кресло она придвигнула вплотную къ нему. Но громадные валики-поручни мѣшали близости, и Насти скоро перекочевала въ кресло Боруха-Менделя

— Такъ-то лучше будетъ, — втискиваясь къ нему, сказала она.— Ну, Али, теперь будемъ кушать...

Все было такимъ же, какъ когда-то въ Москвѣ, въ гостиницѣ, гдѣ снимала номеръ Насти.

Была разница въ обстановкѣ и, можетъ быть, нѣкоторая въ самой Насти. Она казалась болѣе сдержанной, болѣе ровной. Но это могло быть отъ новизны впечатлѣній. Борухъ-Мендель не разбирался въ этомъ, не хотѣлъ ловить чуждыхъ черточекъ, внесенныхыхъ двумя годами разлуки...

Онъ ълъ и пилъ все, что давала Настя. А у нея бродила въ головѣ какая-то лукавая мысль, когда она подала на столъ жареную воблу. Мысль эта свѣтилась въ глазахъ игравыми искорками и тогда, когда Борухъ-Мендель взялъ изъ ея рукъ кусокъ рыбы...

— Слушай, Боренька, — наконецъ не выдержала она,—а это тебѣ не запрещаетъ ъсть твой... законъ?

— Нѣтъ, Настенька,—улыбнулся Борухъ-Мендель. — Законъ мнѣ этого не запрещаетъ. Но, кромѣ того, сейчасъ не то время, и законъ сейчасъ другой... Когда на землѣ голодъ, и люди не могутъ придерживаться закона, законъ смягчается для нихъ. Потомъ, милая Настенька, я самъ отступилъ уже отъ закона.

Настя была удивлена этимъ заявлениемъ. Ей вспомнился одинъ вечеръ — ихъ первая досадная и полная пытки ночь, когда этотъ человѣкъ, измученный, загнанный и совершенно голодный, предпочелъ продолжать голодовку, а не прикоснулся къ вкусной свиной котлетѣ. Тогда онъ говорилъ о своемъ законѣ другое...

— Ты измѣнился, мой Али, — сказала она серьезно и просто, — и это лучше... Твой законъ былъ жестокимъ закономъ и не позволялъ жить.

Борухъ-Мендель грустно покачалъ головой.

— Мой законъ не только не мѣшалъ жить, а регулировалъ жизнь моего народа въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ. Онъ разуменъ и ни капли не жестокъ, Настенька... Я измѣнился немногого, но не измѣнилъ совсѣмъ ни своему закону, ни народу. Судьбѣ угодно было направить меня въ другое русло, и я здѣсь... Я

оставилъ законъ, потому что слишкомъ измѣнились условія быта, и самъ я надѣюсь прінести больше пользы на этомъ мѣстѣ, чѣмъ будучи раввиномъ гдѣ-нибудь... Да, я оставилъ законъ, но не отбросилъ его, и вернусь къ нему, когда настанетъ время, и когда пожелаешь Господь.

— Ну, это, братецъ, шутки! Не отдамъ я тебя больше никакому закону... Слышишь, Али, ты мой и только мой!

Она неожиданно сжала его шею руками, точно тисками, и вся прильнула къ нему, трепещущая и жадная, точно хотѣла цѣликомъ войти въ него или поглотить его.

— Ты мой... И только мой... Любимый, единственный... Мой навѣки...

XII.

Въ темнотѣ ночи лежали они рядомъ на диванѣ, превращенномъ въ постель... Усталые, но полные томного трепета нѣги, слегка сплелись руками— усталость разомкнула тиски обѣйтій— лежали они, слушая тишину ночи.

Не было звуковъ. Домъ и все вокругъ точно умерло, погрузилось въ черный покой безмолвія. На улицахъ такой же жуткій мракъ поглотилъ жизнь. Не было свѣта, и не было ночью жизни въ городѣ.

— Али, мнѣ жутко... — вдругъ шепотомъ произнесла Настя. — Знаешь, такое чувство, точно кто-то подкрадывается къ тебѣ... Даже не подкрадывается, а окружилъ уже со всѣхъ сторонъ и поджидаетъ... Ты его не видишь, а

чувствуешь, что со всѣхъ сторонъ онъ — въ нѣтъ выхода... Понимаешь?

Борухъ-Мендель ласково привлекъ ея голову къ своей груди.

— Все это нервы, Настенька... Я знаю это состояніе... Я испыталь его, когда люди умирали сотнями на моихъ глазахъ, когда моя семья была обречена на смерть, и я ничего не могъ подѣлать, а только ждать конца... я знаю это чувство, Настенька.

— Твоя семья... Бѣдный мой, Али... А скажи, какъ ты стала комиссаромъ?

Борухъ-Мендель понялъ, что Настя желаетъ отвлечь его мысли отъ печальныхъ воспоминаній. Въ душѣ шевельнулась теплая признательность.

— Я — не комиссаръ, Настенька. Народные комиссары это какъ министры раньше были. А я только завѣдующій отдѣломъ...

— Все равно комиссаръ, — живо перебила Настя. — Всѣ такъ называютъ... Только тѣ — большие комиссары, а ты — поменьше, маленький комиссаръ... Маленький мнѣ даже милье, чѣмъ большой.

— Ну пусть такъ. Пусть я — маленький комиссаръ, — согласился Борухъ-Мендель. — А соблазнилъ меня стать комиссаромъ одинъ солдатъ-коммунистъ... Помнишь, тотъ слѣпой, котораго тогда арестовали у Давида Марковича...

— Ахъ, Али, не нужно помнить этого... Тотъ слѣпой? Какъ же онъ слѣпой — солдатъ?

Онъ выздоровѣлъ, Настенька... Меня онъ встрѣтилъ на улицѣ въ тотъ день, когда разогнали Учредительное Собраніе... Съ того дня я — маленький комиссаръ.

— А ты... коммунистъ тоже?

Въ ея голосѣ Борухъ-Мендель почувствовалъ и любопытство и трепетъ жути — ту боязнь, которую вселяло въ душу обывателей одно слово «большевикъ».

— Нѣть, Настенька, я не считаю нужнымъ записываться въ партію. Пока...

— А потомъ?

— Я не знаю, что будетъ потомъ..

Настя умолкла... Слышно было только ея дыханіе — глубокое, ровное, точно она заснула... Гдѣ-то далеко во мракѣ за окномъ щелкнула одинокій выстрѣль — точно бичъ хлопкомъ разорвалъ воздухъ...

— Стрѣляютъ. — жутко выдавила Настя.

— Ахъ, знаешь, Али, я насмотрѣлась въ Москвѣ... Какъ было страшно въ тѣ дни, когда большевики захватили власть. Точно звѣрей выпустили на волю. Пьяные матросы что творили — страсть.. Знаешь, послѣ того черниговца я опять вернулась въ Москву... Были у меня всякіе знакомые, конечно, а когда Керенскій сталъ у власти, у меня оказался дружокъ — красавецъ штабъ-ротмистръ то-ли изъ польскихъ князей, то-ли изъ хохлацкихъ — не знаю ужъ, только самый настоящій князь — Новомейскій-Добушко... Бо-о-гатый... И чудакъ. Онъ мнѣ присыпалъ розы, когда ихъ и достать-то нельзя было... И всегда въ самой большой розѣ внутри какая-нибудь бриллантовая вещь... Ты слышишь, Али?

— Да, я слушаю,—отозвался Борухъ-Мендель просто. — Разсказывай...

Она ожидала ревнивыхъ потокъ въ тонѣ его голоса. Она тысячу разъ испытала уже какъ не любить мужчины слушать о другихъ, о предыдущихъ конкурентахъ... Но Борухъ-

Мендель быль равнодушенъ къ этой сторонѣ разсказа. Его интересовало другое—какія именно сплетенія обстоятельствъ привели къ нему его Настеньку.

— Князинька мой, когда настала керенщина, получиль очень важное назначеніе. Онъ быль комиссаромъ всей московской полиціи. Что-то вродѣ губернатора, но поважнѣе, такъ какъ ему подчинялся и губернаторъ... Ахъ, какъ мы жили съ нимъ, какъ шикарили! Это точно сказка была, милый Али. Въ какихъ я туалетахъ выѣзжала въ рестораны! Всѣ ночи напролѣтъ мы кутили...

Въ головѣ Али рисовались эти картины. Скудныя, отрывистыя фразы создавали широкіе образы, и онъ видѣлъ эти рестораны, залитые свѣтомъ съ безумными, роскошествующими людьми, а рядомъ во тьмѣ—милліоны гибнущихъ на войвѣ, страдающихъ отъ голода, болѣзней людей.. И видѣлъ ихъ глаза, милліоны глазъ жадныхъ, блестящихъ враждой и злобой, направленные въ сторону этихъ ресторановъ—къ безумствующимъ...

— Да.. такъ должно было произойти... Пиръ во время чумы быль лучше, — вслухъ заключилъ онъ свою мысль

— Что произойти? — изумилась Настя — Развѣ ты знаешь все?

— Нѣтъ, я это такъ, про себя,—отозвался онъ.—Продолжай, Настенька, такъ хорошо слушать тебя...

XIII.

— Ну, и вотъ видиши,—продолжала Настя, — я не люблю большевиковъ. Они убили мою

сказку. Понимаешь, всю свою жизнь я мучилась, глотая наспѣхъ то, что подносила жизнь хорошаго, зная, что сейчасъ же она выкинетъ какую нибудь гадкую штуку. Всю жизнь такъ... И вдругъ я зажила наконецъ, да такъ, что и не снилось мнѣ никогда... И это могло продолжаться долго, очень долго... И когда бы меня бросиль мой князинъ, у меня были бы средства по гробъ жизни... Понимаешь?

И все вышло такъ неожиданно. Утромъ ворвался ко мнѣ князинъ блѣдныи, на себя непохожій, почти полуодѣтый... Шинель была прорвана на боку и въ грязи... А изъ рукава сочилась тонкая струйка крови... Накапунъ была пальба, всѣ звали въ чемъ дѣло, но самъ мой князинъ смѣялся и говорилъ, что ничего страшнаго не можетъ быть... А утромъ, взглянувъ на него, я поняла, что все пропало, что кончилось сладкое... — Ты раненъ? — спросила я, вскакивая изъ кровати. «Да, и за мнай гоняется большевики. Спрячь меня куда-нибудь». Я видала всякие виды, Али, и потому не растерялась. Кто прошель огонь и воду, и мѣдныя трубы, у того голова всегда на мѣстѣ. Куда его спрятать? Если напали на слѣдъ, то будутъ искать по всѣмъ квартирамъ и найдутъ все равно... — Видѣли куда ты запель? — спросила я. «Они преслѣдовали меня по пятамъ. Думаю, что видѣли». — Тогда одно еще можно — залѣзай подъ перину, а я буду лежать, какъ ни въ чемъ не бывало...

— И онъ какъ былъ въ сапогахъ, въ шинели и въ шапкѣ бухнулся въ кровать — я тамъ устроила мѣстечко такое: взбила горой перину, и онъ залѣзъ къ стѣнкѣ, такъ что ничего не было видно, а сама я легла и покрылась одѣяломъ. Легла, а сама думаю: «если найдутъ

моего князиньку, не сдобровать и мнѣ. Прощай тогда, Настенька, довольно покрутила на свѣтѣ». Страшно не было, а вся я дрожала... «Только,—думаю,—дрожать не годится. Нужно поспокойнѣе, точно бы спала все время. Да, я и забыла. У меня Нютка была, горничная, шельмовая дѣвка и продувная — страсть. Она видѣла, какъ прятался князинька. Я ей: — Смотри же ни гу-гу! Ну, на нее можно было положиться — жили мы съ ней какъ подруги... И вдругъ—ба-бахъ! — въ парадныя двери — прикладами это... Слышу, Нютка сквозь двери спрашиваетъ: «Кто тамъ? Что за люди?»

«Властью революціи,—кричать, — отопри, с... на дочь!»

Отворяетъ Нютка и, слышу, ругается — отчаянная она: «Хороши товарищи, неча сказать, ежели сразу ругаетесь... Какая я вамъ с... на дочь? Чай трудовая я и хлѣба вашего не заѣдала!»

«Помалкивай, ладно! Трудовая тоже нашлась — горшки за буржуйками выносить—экой трудъ! Говори лучше, офицеръ куды дѣвались?»

«Какой офицеръ?»

«Князь офицеръ, полицеїскій комиссаръ. Нечего дуру-то корчить!»

«Никакого князя у насъ нѣть, — рѣжетъ Нютка. — Ищите въ другомъ мѣстѣ.»

«Такъ-то ты революціи противишься, а еще трудовой себя почитаешь... Смотри, сука, найдемъ, такъ не жить тебѣ. Айда, товарищи по квартирѣ!»

Загромыхали сапожищами... Къ спальнѣ прутъ дѣлой оравой... Я то, точно проснулась, кричу не своимъ голосомъ: — Что это? Аютка! Кто тамъ?

«Свои. Хозяева! — крикнулъ кто-то, и остальные загоготали. — Съ обыскомъ!»

И сразу шестеро влѣзли въ спальню. Рожи разбойничьи; хоть и военные — моряки и солдаты, — а расхлястаны. На рукахъ красные ленты, а къ кушакамъ бомбы привѣшены...

Одинъ, должно быть, старшой матросъ съ рыхой бородой, говоритъ:

«Подавай своего хахаля!»

Я присѣла въ кровати, нарочно одѣяло откинула такъ, чтобы видно было, что никого со мной нѣть. Говорю имъ:

— Довольно стыдно, товарищи, врываться къ одинокой женщинѣ. И потомъ я васъ не понимаю. Что за хахаль? У меня никого нѣть.

«Ну, это мы увидимъ. Куда запрятала комиссара? Говори!»

— Какого комиссара?

«Да нечего ваньку ломать. Знаешь, чай и сама».

— Ничего не знаю, хоть убейте...

А вижу, что они хоть и злы страшно, а смотрятъ на меня такъ, какъ всегда мужчины смотрятъ на насть... А у меня точно бы нечаянно сорочка спустилась съ плеча... Ну, а тѣло то еще у меня что надо, не подгуляло, и сама я не изъ какихъ-нибудь... Распускаютъ слюни, особенно старшой.

«Хоть ты и говоришь, гражданка, что никого не видала, а мы должны обыскъ произвести по долгу революціи».

Это старшой-то говорить и шасть къ кровати. Заглянулъ подъ кровать, а потомъ лапы подъ одѣяло запустилъ. И вмѣсто того,

чтобы перину прощупать, меня по ногамъ. Ру-
чиши шершавыя, ровно щеткой водитъ...

— Ошибся, — смѣюсь, — никакъ товарищъ.
— Негдѣ тамъ офицеру быть...

А сама ему глазки... У него это распали-
лась сразу рожа...

«Нѣту, — говорить, — никого. Прощупалъ
все».

Другое гогочутъ.

«Видѣли, что прощупалъ!.. Надо и намъ
посмотрѣть».

Ахъ, гады! И всѣ полѣзли къ кровати,
точно медвѣди къ меду.

Старшой нахмурился.

— Назадъ! — кричитъ — Мы, товарищи, не
для того здѣсь, чтобы оскорблять женщину.
Пусть она хоть и буржуйская дѣвка, а мы съ
бабьемъ не воюемъ. Ищи по квартирѣ!

Нехотя отстали. Старшой ушелъ послѣд-
нимъ.

«Я, — говорить, — краля, вернусь еще».

— Ворочайся, — отвѣчаю, — я не буржуйка
и самъ увидишь.

Шарили они долго по квартирѣ, перерыли
все, — потомъ многаго я не досчиталась. Ворье!

Потомъ ушли.

Вылѣзъ мой князинька. Смѣется. Благо-
дарить меня: «За такую услугу, Настя, жизнь
готовъ отдать за тебя!»

— Ну, — говорю ему, — отъ твоей жизни тѣ-
перь мало толку. Что будешь дѣлать?

«Бѣжать надо. Посижу у тебя до вечера,
а тамъ и уйду».

— Куда?

«Самъ еще не знаю. Къ стѣнкѣ-то станов-
иться будто бы рановато. На югъ надо мах-
нуть».

— Ну, махай!

Старшой то матросъ не забылъ адреса, зашель потомъ. Князинъка мой въ чуланѣ отлеживался, пока я съ матросомъ была. Страшно мнѣ было съ нимъ — большой онъ и ровно бы каторжный — смотрѣть исподлобья, а въ глазахъ звѣрь притаился. Убить такому ничего не стоитъ, и за эти дни онъ убилъ не одного человѣка. Трудно было съ нимъ, а все-таки обошла я его...

«Пора и тебѣ, — говорить, — послужить революціи. Довольно съ буржуями путалась... А ужъ по части денегъ или подарочка — небось, не хуже буржуевъ мы. Потому теперь все наше. Чего душа хочетъ, то и бери...

И оставилъ мнѣ подарокъ. Вытащилъ изъ кармана горсть и бросилъ на столъ. А тамъ браслетъ, три кольца и золотые часы.

«На, — говорить, — для начала. Не то еще будетъ, какъ полюбишь...

И у него полный карманъ золота и бриллиантовъ. Грабили, значитъ, на славу!

Думала я, что спасла князя. А вышло по другому. Вечеромъ вышелъ онъ переодѣтый, понятно. Я за нимъ, проводить хотѣла. А вину, въ подъѣздѣ, глядь матросъ стоитъ съ ружьемъ. Увидалъ моего князинъку. «Кто такой?» «Да просто гражданинъ Петровъ» отвѣчаетъ князь. «Изъ трудящихся?» «Слесарь, товарищъ». А матросъ и воззрился въ его руки. «Чудно, — говорить, — ручки-то не слесарные, больно бѣлы, да и колечко-то... Стой! Руки вверхъ!»

Князь былъ не изъ робкаго десятка. Руку то не вверхъ, а въ карманъ за револьверомъ. Не успѣлъ вынуть одначе — матросъ извернулся и прикладомъ его по головѣ. Грохнулся мой князь, а я ни жива, ни мертвa наверхъ,

домой. Думаю: «теперь, Настя, уноси ноги!» Схватила наспѣхъ что могла изъ золота и денегъ и сквозь черный ходъ, черезъ кухню удрала... Этакъ-то я первый разъ познакомилась съ большевиками... Потомъ похуже было еще... Да всего не расскажешь за разъ. Ты уснулъ, Али?

— Нѣть, Настенька, я слушаю.

— И хорошо, что ты не большевикъ, Али... А то бы я боялась тебя... А такъ...

И она вдругъ, извернувшись, какъ змѣя, приникла къ нему и обвилась вся вокругъ него...

— Мой Али... Мой единственный,—раздалася страстный, прерывающійся шопотъ...

И это было единственнымъ звукомъ вовсемъ громадномъ пустомъ верхнемъ этажѣ зданія совѣта...

И мракъ жадно поглотилъ его, разнеся тихими шелестами по угламъ.

XIV.

Потянулись вереницей странные дни... Борухъ-Мендель утромъ проводилъ въ совѣтъ или пѣшкомъ посѣщалъ свои клубы и сады. Были автомобили въ распоряженіи отдѣла, но онъ ими не пользовался — находилъ неумѣстнымъ подражать привычкамъ тѣхъ, которые управляли жизнью до революціи и не сумѣли справиться съ ней... Онъ былъ скроменъ, до щепетильности скроменъ въ отношеніи самого себя, но не осуждалъ и тѣхъ, кто вродѣ Нелюбина довольно широко пользовался привилегіей своего положенія.

И раньше, до появления Насти, какъ работѣ въ отдѣлѣ, такъ и этимъ посѣщеніямъ клубовъ и дѣтскихъ садовъ онъ отдавался цѣликомъ, не замѣчая времени и не чувствуя усталости.

Въ клубахъ его окружали ребятишки — неопрятный рой маленькихъ существъ, всосанныхъ клубами изъ самыхъ темныхъ и грязныхъ щелей столицы.

Здѣсь были мальчики и дѣвочки, знакомые со всѣми ужасами нищеты и сопутствующими ее пороками. На нихъ лежала особая печать — хищность, скрытая подъ внѣшнимъ гнетомъ забитости. Въ нихъ дремали волчата, каждую минуту готовые проснуться и пустить въ ходъ зубы, чтобы отвоевать свой кусочекъ пищи.

И эти дѣти были ближе всего сердцу Боруха-Менделя. Въ мечтѣ онъ видѣлъ эти отбросы жизни облагороженными, преображенными въ честныхъ стойкихъ созидателей новой жизни на землѣ. И имъ онъ отдавалъ свою душу.

Крикливая орава окружала его и часами не выпускала изъ своего кольца. И опь покорно отдавалъ себя имъ. Садился на скамью или на окно и говорилъ съ ними о чёмъ имъ хотѣлось. Въ этихъ бесѣдахъ Борухъ-Мендель измѣрялъ глубину душъ своихъ маленькихъ друзей и съ отчаяніемъ убѣждался, какъ далеки отъ этихъ душъ воспитатели, приставленные къ нимъ.

«Здѣсь материалъ для превращенія жизни въ рай или въ адъ, — размышлялъ Борухъ-Мендель, — все дѣло только въ мастерахъ. А мастеровъ нѣть, и, значитъ, можетъ получиться адъ вмѣсто рая»...

И все, каждая мелочь, каждый пустячный штрихъ въ жизни его учрежденій волвовали, а порою и мучили Боруха Менделя. Очень поздно возвращался онъ домой изъ этихъ обходовъ, усталый, терзаемый сомнѣніями и забывалъ иногда даже зайти въ партійную столовку, гдѣ счигался почетнымъ гостемъ, — поужинать...

Пришла Настя, и все измѣнилось.

Онъ работалъ въ отдѣлѣ попрежнему, но мысли его рѣдко цѣликомъ принадлежали работе. Онѣ были возлѣ нея, и самъ онъ былъ весь точно заполненъ звуками ея голоса ..

— Али... Боря... Боренька, — звенѣло въ ушахъ нѣжной лаской, и этотъ зовъ онъ слышалъ постоянно, носилъ его съ собой...

Онъ посѣщалъ клубы и попрежнему говорилъ съ дѣтьми, но выходило это по другому: онъ сидѣлъ среди дѣтей, но душа его была не съ ними—а съ Настей, и мысль, отрываясь отъ бесѣды, неслась къ ней съ привѣтомъ любви:

«Что она дѣлаетъ, любимая моя?»

И дѣти прежде всѣхъ почувствовали это.

Буйная ватага, жаждавшая его, понемногу охладѣла, толпа поклонниковъ растаяла. Борухъ-Мендель приходилъ, проходилъ по шумнымъ заламъ, и никто не хваталъ его за полы, никто не осаждалъ просьбами и вопросами.

— Нашъ комиссаръ пришелъ, видѣли? — слышалъ онъ за спиной голоса, и этимъ ограничивалось все. Онъ сталъ неинтересенъ мелюзгѣ, потому что уже не былъ ихъ собственностью и ихъ отталкивалъ его видъ, сосредо-

XV.

Вечеромъ онъ приходилъ домой недовольный собой, усталый и разбитый. Но все это только до дверей комнаты... За этими дверями было другое, иная жизнь, настоящая, къ которой рвалась душа и кромѣ которой ничего уже не существовало.

Настя съ радостнымъ возгласомъ кидалась къ нему и висла на его шеѣ.. И это снижало съ души весь гнетъ дня. Пропадало недовольство собой, точно умирали сомнѣнія и разсѣивался мракъ неудовлетворенности. Настя овладѣвала имъ, и онъ до утра принадлежалъ ей, всѣмъ ея прихотямъ и фантазіямъ.

Опѣ Ѣлъ то, что давала она, никогда не задумываясь о томъ, откуда и какъ она доставала припасы.

Однажды она поставила на столъ бутылку вина. Это была мадера, прекрасная старая мадера, ароматъ которой наполнялъ комнату, едва Настя открыла пробку.

Вино напомнило кусочекъ московского прошлаго — кутежъ съ черниговцемъ, и Менделю стало непріятно.

— Откуда это? — спросилъ онъ.

— Твоя Настенька что угодно достанетъ. — беспечно засмѣялась она,—но въ этомъ смѣхѣ прозвучала искренняя нотка, точно она хотѣла что-то скрыть отъ него.

Борухъ-Мендель взялъ ея руки и привлекъ ее къ себѣ.

— Настенька, — съ нѣжнымъ укоромъ сказа-
лъ онъ, — неужели тебѣ хочется повторенія
того, что было въ Москвѣ?

Настя тряхнула головой, и подвѣтые воло-
сы ея задорно колыхнулись.

— Нѣтъ, Али, не того... Но я думаю, что
мы можемъ съ тобой зажить немножко лучше...
Веселѣ... мнѣ хорошо съ тобой, но понимаешь,
я люблю, когда вокругъ меня бурлить жизнь,
хотя бы самая безшабашная... Знаешь, въ Мос-
квѣ, когда большевики захватили власть въ
пору жуткихъ боевъ и разныхъ расправъ, я
чувствовала себя прекрасно. Было страшно, но
въ страхѣ этомъ была такая прелестъ... Это
опьяняло, какъ вино... Али, миленький, ко-
нечно, я очень скверная, потаскушка я, но что
же мнѣ подѣлать съ собой: я не могу всю
жизнь просидѣть въ одной комнатѣ даже съ
тобой.

Борухъ-Мендель уныло вздохнулъ. Онъ
зналъ, что Настинна натура потребуетъ угара
жизни, и боялся этого момента. То, что она
больше недѣли провела въ этой комнатѣ, ни-
чего не желая и ничего не требуя, даже удив-
ляло его. Это было затишье, полоса штиля ме-
жду двумя бурями.

И съ этимъ ничего нельзя было подѣлать!

— Ты сердишься, Боренька? — опускаясь
къ его ногамъ и заглядывая снизу въ глаза,
вкрадчиво заговорила она. — Мой Али сердит-
ся? Но я вѣдь не хочу ничего дурного, я хочу
вѣчно быть съ тобой и больше ни съ кѣмъ...
Но если вокругъ будутъ люди, будетъ шумъ и
веселье, это же нисколько не помѣшаетъ... Зна-
ешь, Али, я познакомилась тутъ съ вашимъ од-
нимъ комиссаромъ. Онъ — бывшій офицеръ и

милый такой, такой веселый человѣкъ. Онъ обѣщалъ дать намъ великолѣпную квартиру...

— Нелюбинъ? — прервалъ Борухъ-Мендель.

— Да, онъ. А развѣ я дурно сдѣлала, что познакомилась съ нимъ? Вѣдь онъ же — твой товарищъ...

Борухъ-Мендель всталъ и зашагалъ по комнатѣ, испытывая непріятное волненіе.

— Нѣтъ, ничего, Настенька, ничего... Только вотъ квартира... Это мнѣ непріятно.

Настя слѣдила за нимъ изумленными глазами.

— Квартира? Непріятно? Почему намъ съ тобой не жить такъ, какъ живутъ другіе комиссары? У Нелюбина прекрасная буржуйская квартира отъ спичечника Лапшина, у предсѣдателя исполкома — особнякъ Фалевича, у всѣхъ дворцы, а почему намъ нужно жить въ такой комнатѣ?

Она не могла понять возраженій Боруха-Менделя — для этого нужно было переродить ея душу и тѣло. Борухъ-Мендель сознавалъ это, и возраженія застыли на его устахъ. Да, она была красива, она хотѣла пользоваться всѣмъ, что могла дать жизнь... И какое право имѣть онъ держать въ клѣткѣ эту птицу, привыкшую къ волѣ, къ простору? Нужно было или совсѣмъ выпустить эту птицу, или... дать ей немного воли.

Выпустить Настю, разстаться съ ней, когда сама судьба привела его къ нему? Выпустить синюю птицу счастья, оторваться отъ кубка любви, не уголивъ и сотой доли жажды? Это было свыше силъ. Борухъ-Мендель — рав-

вииъ, когда-то не могъ устоять передъ этимъ, что же могъ сдѣлать Борухъ-Мендель комиссаръ?

Мендель печально улыбнулся своимъ думамъ и снова опустился въ кресло, возлѣ кото-раго на коврѣ все сидѣла еще Настя. Онъ привлекъ ея голову къ себѣ, положилъ на колѣни и такъ смотрѣлъ сверху въ ея глаза— темные ненасытные колодцы, безцокойно алкашіе чего-то..

— Дѣлай какъ хочешь, Настя...

Она вскочила въ дикомъ восторгѣ, оглушила его бурнымъ, порывистымъ поцѣлуемъ и закружилась по комнатѣ въ бѣшеной плясѣ. Среди кружевъ пеньюара мелькали стройныя ножки въ красныхъ сафьяновыхъ туфелькахъ, задорно праздную побѣду.

Эхъ! Жили мы въ подвалѣ.
Славно виронали:
Пили «кали мали»*)
Воблой заѣдали..

Запѣла она, притѣлкивая языкомъ и пальцами точно каштаньетами. И сразу ожила въ ней старая Настя, безшабашная, разгульная, та самая, что кружилась когда-то въ плясѣ, обернутая талесомъ.

— И заживемъ же мы, Али, заживемъ, Боренька, да такъ, что чертамъ станетъ тошно. А ты будешь самый главный комиссаръ.. Вотъ увидишь..

*) «Кали-мали» — такъ назывался двойной одеколонъ, который пили вместо водки рабочій людъ во время войны, когда спиртные напитки были запрещены.

— Ну, поцѣлуй меня разокъ, Боренька...
Почему ты такой скучный?

Красная отъ возбужденія и пляски, съ горящими глазами кинулась она къ Боруху-Менделю и сѣла на колѣни.

Борухъ-Мендель не отвѣтилъ, но крѣпко прижалъ ее къ груди.. Она была его сокровищемъ, его жизнью и счастьемъ, его тоской и мукой и его высшимъ блаженствомъ!

Развѣ, все это можно передать словами?

Часть вторая

I.

Была зима 1919 года...

Петроградъ боролся съ двумя грозными врагами — голодомъ и холодомъ. Голодъ выгонялъ изъ домовъ жалкихъ, изможденныхъ людей на базары и площаади, и тамъ шель торгъ. Все, что осталось у обывателей изъ скарба, выносилось на эти базары, и тутъ на твердомъ смерзшемся снѣгу лежали кучи всевозможныхъ вещей. Среди нихъ сновали люди иного вида, чѣмъ жалкіе продавцы — тепло одѣтые и сытые скupщики-мѣшечники, набиравшіе товарѣ для обмѣна въ деревняхъ на хлѣбъ.

И здѣсь охотно отдавалось за хлѣбъ все что угодно, начиная отъ золота и брилліантовъ и кончая бѣльемъ и мебелью...

Полуцѣянные матросы изрѣдка появлялись среди этого муравейника. Они были сыты, но не совсѣмъ пьяны и потому продавали тоже — кто табакъ, а кто цѣлыми вязками кольца и серьги, нанизанные на веревочку, точно баранки.

За безцѣнокъ, за бутылку подозрительного спирта или самогона отдавались брилліанты, украшавшіе выхоленные ручки дамъ высшаго свѣта, сверкавшіе въ розовыхъ мочкахъ ушей княженъ и графинь...

Гдѣ ихъ хозяйки? Объ этомъ ничего не могли сказать ни вещи, ни ихъ продавцы, счастливые участники грабежей въ богатыхъ кварталахъ.

Голодъ заставлялъ забитаго и ограбленнаго обывателя разставаться съ остатками добра, на пріобрѣтеніе котораго убивались когда-то годы... Добро это мѣнялось на хлѣбъ и на жалкія лепешки изъ муки и разныхъ суррогатовъ, потому что ничего другого нельзя было достать.

Кусокъ конины считался роскошью, вяленая вобла — деликатесомъ.

Холодъ леденилъ столицу. Никѣмъ неубираемый снѣгъ выросталъ на улицахъ громадными валами, точно окопы возводила зима, готовясь къ рѣшительной битвѣ съ населеніемъ.

И не было дровъ. Полѣно расцѣнивалось такъ же дорого, какъ хлѣбъ. Обывателю приходилось разставаться съ мебелью — пузатыми комодами, шкафами и буфетами: креслами и стульями, помнившими дѣдовъ, чтобы хоть разъ въ сутки почувствовать дыханіе живого огня изъ печи...

Мракъ, холодъ и голодъ царили въ домахъ обывателей.

Уныніе, отчаяніе и животный страхъ передъ грядущимъ заполняли ихъ чрезмѣрные досуги...

Борухъ-Мендель тоже боролся съ голodomъ и холodomъ. Его дѣтскіе дома были переполнены дѣтьми. Дѣтей посылали отовсюду, потому что въ дѣтскихъ домахъ была пища.

Товарищъ Шакшиновъ рыскалъ по району, осаждалъ комиссаріатъ соціального питания и съ полными грузовиками возвращался въ свой складъ.

Борухъ-Мендель уже не пытался даже вникнуть въ расчеты Шакшинова, а подписывалъ ему бесконечное количество разныхъ бумагъ — отъ ордеровъ на получение продуктовъ по карточкамъ до ордеровъ на реквизицію этихъ продуктовъ въ частныхъ домахъ — у разныхъ бывшихъ купцовъ.

— Но я не имѣю права реквизировать, — попытался однажды заявить Борухъ-Мендель.
— Идите къ товарищу Нелюбину.

— Тогда мы ничего не увидимъ изъ этихъ продуктовъ, товарищъ Мендель, — отвѣчалъ ухмыляясь Шакшиновъ. — У насъ сейчасъ кто поспѣлъ, тотъ и съѣлъ. Пишите прямо, дескать, реквизировать для дѣтскихъ садовъ и клубовъ района — и все. А я возьму нарядъ, — и готово дѣло. Время не терпить, товарищъ Мендель, и у насъ уже 3.000 голодныхъ ребятъ!

И Борухъ-Мендель подписывалъ. Шакшиновъ бралъ красногвардейцевъ и отправлялся на грузовикъ по адресу, который онъ разнюхалъ своимъ ярославскимъ чутьемъ.

Дѣтей кормили. Кормились возлѣ нихъ воспитатели, и потому толпы жаждущихъ попасть на какія-нибудь должности «при дѣтяхъ» осаждали Боруха-Менделя съ утра до вечера.

Мечты о дѣтскихъ дворцахъ рушились. Забота о главномъ — о пищѣ и одеждѣ для дѣтей — занимала всѣ помыслы.

И оттого, что дѣйствительность грубо отодвинула прекрасныя мечты Боруха-Менделя, онъ чувствовалъ облегченіе. Сейчасъ онъ не былъ способенъ воздвигать дѣтскіе дворцы и не могъ отдавать себя дѣтямъ.

Имъ крѣпко и прочно владѣла Настя...

II.

Настя налаживала жизнь по своему плану...

Борухъ-Мендель предоставилъ ей свободу дѣйствій и ни во что не вмѣшивался.

Настя добыла ордеръ на квартиру и рыскала нѣсколько дней по району, выбирая подходящую изъ числа покинутыхъ бѣжавшими богачами.

Наконецъ нашла. Противъ Маріинскаго театра въ домѣ генеральши Семеновой оказалась подходящая квартира: шесть уютныхъ, роскошно меблированныхъ комнатъ, брошенныхъ какимъ-то гвардейскимъ полковникомъ.

Настѣ особенно понравился будуаръ — весь отдѣланный шелковымъ штофомъ точно гигантская бонбоньерка, и ванная комната, вся отдѣлнная розовымъ мраморомъ.

Когда Настя вошла въ квартиру, въ ней работали агенты жилищнаго отдѣла.

Обязанностью ихъ было обыскивать квартиры богачей и забирать всѣ драгоцѣнности, которыя находили они во время этихъ обысковъ.

Агенты трудились, валимывая въ кабинетѣ ящики огромнаго письменнаго стола, когда Настя окончательно рѣшила оставить квартиру за собой.

Вмѣстѣ съ этимъ рѣшеніемъ въ ней пробудились инстинкты собственности.

— Вы, товарищи, чего тутъ? — спросила она высокомѣрно.

Четверо мужчинъ оторвались отъ работы
— А вотъ столикъ вскрываемъ, — замѣ-
тилъ одинъ.

— Не стоитъ трудиться, товарищи, —
тѣмъ же тономъ заявила Настя. — Квартиру
занимаетъ комиссаръ товарищъ Мендель, а по-
тому вамъ больше здѣсь нечего дѣлать. Вотъ
ордеръ.

Агенты переглянулись и замялись.

— Такъ пусть товарищъ Мендель и зани-
маетъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — а мы
должны забрать дорогія вещи, которыя ежели
окажутся.

— Какъ бы не такъ! Товарищъ Мендель
забираетъ квартиру со всѣмъ, что въ ней есть.
А если вы тронете хоть что-нибудь, я вызову
сейчасъ товарища Нелюбина и тогда посмот-
римъ, что будетъ!

Замѣшательство агентовъ увеличилось.

— Да мы ничего, мы по службѣ. Ужъ
если такъ, то оставимъ пока столикъ... Тамъ,
можетъ быть, будутъ инструкціи какія... Ну,
что же, живите себѣ на здоровье...

Эти офиціальные грабители вербовались
больше всего изъ среды бывшихъ маклаковъ
и ломбардныхъ оцѣнщиковъ и не въ ихъ духѣ
были воинственный выступленія. Одни имена
комиссаровъ дѣйствовали на нихъ угнетающе.

И агенты ретировались. Настя осталась
одна владѣтельницей квартиры богача.

Когда за агентами захлопнулась дверь,
въ глазахъ Нasti зажглись хищные огоньки,
и она кинулась къ письменному столу.

Нѣсколько ящиковъ оказались открыты-
ми, и Настя торопливо заглянула въ нихъ.

Тутъ были бумаги и письма—вещи безпо-
лезныя,—и Настя выбросила ихъ на столъ. Но

зато въ дальнемъ углу одного изъ ящиковъ нашлись футлярчики, при видѣ которыхъ радостно и беспокойно забилось сердце проститутки-хижницы.

— Это — мое! — сказала она съ удовлетворениемъ, открывая футляры.

Тамъ были кольца, браслеты, серьги, отడѣленные брилліантами, рубинами и другими камнями, названія которыхъ даже не знала Настя.

Это было цѣлое богатство. Настя ссыпала драгоцѣнности въ кучку и погрузила въ нихъ ладони, испытывая дѣтскій восторгъ.

— Что скажетъ мой Али, когда увидѣть меня во всемъ этомъ? Царица! Ты, Настенька, будешь совсѣмъ царицей! Нѣтъ, жизнь не такъ еще плоха, и хоть ухлопали большевички моего князиньку, а жить съ ними еще можно.

III.

Брошенная гвардейскимъ полковникомъ Баргунинымъ квартира приняла жилой видъ и преобразилась подъ ревнивымъ наблюденіемъ Нasti.

Она быстро примѣнилась къ обстоятельствамъ и использовала все, что могло ей дать ея новое положеніе.

Она пускала въ ходъ всѣ свои ресурсы, чтобы добиться желаемыхъ результатовъ, и вскорѣ покорила совѣтъ. Не было комиссара сколько-нибудь неравнодушнаго къ красивой подругѣ Боруха-Менделя, и всѣ, начиная отъ

предсѣдателя Израилевича и кончая комендантомъ зданія, готовы были услужить ей, чѣмъ могли.

Цѣлая толпа «буржуевъ» была пригнана на работу по очисткѣ квартиры. Нѣсколько дней рабы и рабыни совѣтовъ чистили потолки, вытряхивали ковры, мыли окна и натирали полы. Настя безъ всячаго стѣсненія пользовалась этой даровой рабочей силой.

Правда, она щедро кормила ихъ. Путь къ кладовымъ товарища Шакшинова былъ хорошо извѣстенъ Настѣ, и она хозяйничала въ нихъ на правахъ «комиссарши». Появлялась такъ-же просто, какъ раньше богатая барыня могла зайти въ любую лавку. Высматривала запасы и отбирала себѣ все, что приходилось по вкусу.

— Это, это, вотъ эти баночки консервовъ. А это горохъ? Гороху тоже... А тамъ сахаръ? Ну и сахару пару фунтовъ. Да не забудьте сала, товарищъ Шакшиновъ... Къ вечеру пришлите.

И исчезала, оставивъ ярославца въ полномъ обалдѣніи.

— Ну, и баба... Жохъ баба... И гдѣ нашъ мѣшокъ подѣшилъ такую?

Покачаетъ головой Шакшиновъ, а къ вечеру мальчуганъ-помощникъ тащитъ Настѣ мѣшокъ. Въ немъ все, что было отобрано, да на прибавку еще плитка шоколада или чего-нибудь другого въ этомъ родѣ.

Борухъ-Мендель пребывалъ въ блаженномъ невѣдѣніи относительно хозяйственныхъ комбинацій Настѣ. Онъ не вмѣшивался въ ея дѣла такъ-же, какъ и когда то въ Москвѣ, и все, что дѣлала Настя, хотя и не всегда гармони-

ровало съ его желаніями, но казалось неизбѣжнымъ.

Онъ безропотно перѣхалъ въ огромную квартиру Баргунина. Обстановка, ковры, роскошный будуаръ Нasti его угнетали, и безъ Нasti онъ ни минуты бы не остался въ этомъ домѣ, созданномъ кѣмъ-то ушедшемъ для себя...

Но Настя скрашивала все. Съ ней вездѣ было одинаково хорошо.

IV.

Для Боруха-Менделя совершенной неожиданностью оказалось новоселье, затѣянное Настей.

О новосельи онъ узналъ въ совѣтѣ отъ Нелюбина, зайдя къ нему по дѣлу.

Молодцеватый комиссаръ съ особенной многозначительностью потрясъ руку Менделя.

— Какой вы однако, товарищъ Мендель. Мы васъ считали тихоней, а выходить и вѣрно, что въ тихомъ омутѣ черти водятся... А?

Онъ зычно расхохотался и похлопалъ по плечу Боруха-Менделя.

— И еще какіе хорошенъкіе черти!

И тонъ и особая фамильярность непріятно рѣзали душу. Борухъ-Мендель попробовалъ отшутиться:

— Черти всегда приходятъ къ святымъ,— но понялъ, что сострилъ неудачно, и стало еще непріятнѣе.

— Ха... ха... ха... Вотъ именно... Эхъ, и хороша же ваша подруга... Не будь я товари-

щемъ, пріудариль бы за ней, честное слово! Да что я! Самъ Израилевичъ готовъ побѣгать за ней... Самъ говорилъ мнѣ, честное слово... Ну, ну, ладно, не хмурьтесь, ревнивецъ, — никто не посягнетъ на вашу собственность... А вечеркомъ, значитъ, нагрянемъ къ вамъ...

— Вечеркомъ? — поднялъ брови Борухъ-Мендель.

— Сегодня, конечно. Прекрасная ваша Дульциная именно сегодня пригласила на новоселье. Эхъ, и спрыснемъ же переселеніе изъ хижины во дворецъ...

Борухъ-Мендель ушелъ разстроенный и встревоженный изъ кабинета коллеги. Настя могла бы хоть предупредить его... И потомъ, какое веселье въ такое время, когда вокругъ холодъ и ужасъ?

И это несоответствіе съ моментомъ настроеній Нasti больно ранило душу.

Возвращаясь домой, онъ, какъ всегда, видѣлъ измѣженныхъ голодныхъ людей и, проходя мимо нихъ, онъ чувствовалъ себя очень нехорошо, точно виноватымъ передъ ними.

Онъ не пошелъ въ клубы, а прямо изъ совѣта направился домой. Ему хотѣлось поговорить съ Настей серьезно и обстоятельно...

Онъ открылъ дверь собственнымъ ключомъ, вошелъ и раздѣлся въ передней. Двери въ столовую были открыты и въ ней не было никого.

Борухъ-Мендель прошелъ столовую. Шумъ шаговъ заглушали ковры... Рядомъ была гостиная, а дальше будуаръ Нasti—ихъ общая спальня...

Сквозь портьеру Борухъ-Мендель услышалъ голоса: веселый, беззаботный и звонкій голосъ Насти и знакомый мужской. Борухъ-Мендель остановился въ нерѣшительности возлѣ дверей.

«Подслушать!» точно шепнула кто-то повелительный и злорадный. Краска стыда пробилась на щекахъ Боруха-Менделя, и онъ торопливо отступилъ отъ портьеръ.

Нѣть, пускай она говорить съ кѣмъ угодно — худого въ этомъ ничего нѣть... Развѣ она не можетъ пригласить кого-нибудь къ себѣ?

А сердце все-таки сжималось болю и снова вспоминался тотъ наглый черниговецъ, который все повернулъ по другому въ Москвѣ...

Борухъ-Мендель опять вернулся къ портьерѣ и рѣшительно раздвинулъ ее.

Ничего особенного. Въ будуарѣ сидѣлъ на кончикѣ стула Шакшиновъ въ шубѣ, весь красный и неловкій такой. Увидѣвъ Боруха-Менделя, онъ вскочилъ и вытянулся точно солдатъ передъ начальствомъ.

— Ахъ, Али!

Этотъ возгласъ, радостный и честный, внесъ успокоеніе въ душу Боруха-Менделя. Онъ привѣтливѣе взглянулъ на Шакшина, а ярославецъ чувствовалъ себя точно на раскаленныхъ угольяхъ.

— Я, товарищъ Мендель... исполнялъ порученіе вашей... супруги,—еле пролепеталъ онъ.

Настя залилась звонкимъ хохотомъ.

— Какой онъ забавный! — потѣшалась она. — Такой большой и красивый малый, а оробѣлъ, какъ мальчишка! И вамъ не стыдно, товарищъ Шакшиновъ?

Шакшиновъ уклонился отъ отвѣта.

— Я пойду ужъ, — не глядя ни на кого, сказаль онъ. — И все будетъ исполнено, какъ вы пожелали...

— Ну идите. Да смотрите, чтобы все было въ порядкѣ, а то и на глаза не показывайтесь...

— Будьте покойны, — уже за дверью отозвался Шакшиновъ.

Особая деликатность натуры мѣшала Боруху-Менделью спросить, почему здѣсь очутился Шакшиновъ. Но Настя видѣла, что это занимаетъ его мысли. Она подошла и положила руки на плечи Боруха-Менделя.

— Ты сердишься, Али?

— Ничуть... Только почему ты мнѣ не сказала, что созываешь сегодня гостей?

— Я хотѣла устроить тебѣ сюрпризъ, — отвѣтила она, но Борухъ-Мендель уловилъ неискренность въ ея тонѣ.

— Нѣтъ, Настенька, — покачать опъ головой, — ты по другой причинѣ скрыла это отъ меня.

Она не вынесла его взгляда, отошла, и тѣни недовольства и раздраженія пробѣжали по ея лицу.

— Ну да, я боялась, что ты все испортить, — рѣзко сказала она. — Ты... ты... все еще святоша!

Давно Борухъ-Мендель не слычать такихъ яточкъ въ голосѣ Насти. Въ ней просыпалось упрямство избалованной женщины, живущей только для себя. Отъ этого настроения бы бѣ прямой переходъ къ бурѣ, къ дикой вспышкѣ ярости и къ истеріи. Борухъ-Мендель зналъ это.

— Все это очень плохо, Настенька, — осторожно сказалъ онъ. — У тебя будетъ ви-но и какое-нибудь угощенье?

— Конечно, какъ у людей! — съ достоин-ствомъ бросила Настя, не понявъ вопроса. — Не думаешь-ли ты, что я ударю лицомъ въ грязь?

О, нѣтъ, обѣ этомъ не думалъ Борухъ-Мендель! Онъ горько улыбнулся.

— И это нехорошо, Настя... Пойми, во-кругъ голодъ.. Отъ голода гибнуть дѣти... А мы уничтожимъ напрасно какіе-то продукты, которые...

Но Настя вышла уже изъ равновѣсія. Ея лицо покраснѣло и стало некрасивымъ отъ злобы, рвавшейся изъ глубины души...

— А какое мнѣ дѣло до всего этого?! Или можетъ быть ты думаешь, что я отка-жусь отъ куска хлѣба, чтобы бросить его твоимъ голодающимъ? Да провались ты съ ни-ми вмѣсть къ чорту! Если ты хочешь святость разводить, то иди въ монастырь, а не сиди въ комиссарахъ! А я жить хочу! Понялъ?

Все вульгарное рвалось изъ нея... Это бы-ла уже обозленная проститутка, а не нѣжная любящая Настя. Слова ея ударили Боруха-Менделя по сердцу, точно бичомъ... Онъ хотѣлъ уйти, и не было силы... хотѣлъ говорить, и не было словъ...

— Настенька, — вырвалось тяжелой уко-ризной, и онъ опустился на мягкий круглый пуфъ, чувствуя непомѣрную тяжесть во всѣхъ членахъ...

— Что, Настенька?! Я тридцать лѣтъ уже Настенька. — Пойми, что я не такая, какъ всѣ, и никогда не стану голодать! Чорть! Да я стервятникомъ оборочусь, а буду жить! Пони-

маешь? Такая ужъ я есть... Жизнь меня била, и я ее бью, пока хватить силь... И ты бери меня такой, какая я есть, а иначе намъ съ тобой не по пути! Люблю я тебя, и хочу чтобы наша жизнь была сказкой, а до другого мнѣ нѣть дѣла! Не хочешь ты моей любви, такой любви — я сумѣю уйти...

Буря острыхъ разнообразныхъ чувствъ бушевала въ душѣ Боруха-Менделя. Она не понимала его, не могла понять... Уйти, пока не поздно, вырвать любовь изъ души и кинуть ее какъ жертву тѣмъ, кому онъ служилъ? Да, это былъ выходъ, и на минуту Борухъ-Мендель представилъ себя однимъ безъ Нasti. Но почему сразу ночь и мракъ окружили его, почему стало страшно этого мрака?

И Борухъ-Мендель сейчасъ почувствовалъ всю безпощадную тяжесть своей любви — великое, непосильное бремя, придавливающее его къ землѣ.

А безъ этого бремени не было и жизни...

V.

У Боруха-Менделя вечеромъ было засѣданіе культурно-просвѣтительной комиссіи. Разрабатывался планъ созданія школъ грамоты для взрослыхъ и сѣти библіотекъ.

Но вопросамъ этимъ удѣлили мало времени. Комиссаръ соціального обезпеченія Гельфандъ, забѣжавшій на засѣданіе послѣ собрания районнаго исполкома партіи, сообщилъ мрачныя новости съ фронтовъ — о новыхъ успѣхахъ Деникина и о созидающейся подъ

покровительствомъ Антанты новой бѣлой арміи для натиска на Петроградъ съ запада—отъ Либавы.

Это отвлекло вниманіе комиссіи отъ основныхъ вопросовъ. Впрочемъ, каждый изъ собравшихся понималъ, что школы грамоты и библіотеки — пустой звукъ: мрущему отъ голода и холода населенію столицы нужны онъ были, какъ покойнику отопление.

Маленький, черный, подвижной, точно на шарнирахъ, съ глазами, всегда полными огня, Гельфандъ овладѣлъ вниманіемъ комиссіи:

— Библіотеки и читальни, товарищи, бесполезныя игрушки сейчасъ... Забавляться ими намъ позволять, но все вниманіе партіи сейчасъ на военномъ комиссаріатѣ. И будутъ у насъ не школы грамоты въ первую очередь, а — всеобщее военное обученіе. Предсѣдатели совѣтовъ уже имѣютъ инструкціи о привлечениіи къ этому обученію всѣхъ совѣтскихъ служащихъ, партійцевъ и рабочихъ. И мы съ вами, товарищъ Мендель, скоро замаршируемъ съ винтовкой на плечѣ: разъ-два! разъ-два!

Онъ хлопнулъ Менделя по плечу и весело разсмѣялся, сверкая ослѣпительно-бѣлымъ оскаломъ зубовъ.

— Развѣ положеніе такъ серьезно? — спросилъ завѣдующій библіотеками учитель Меркуловъ.

— Революція въ опасности — лозунгъ, выкинутый давно. Антанта противникъ серьезный, но центръ тяжести не въ ея силахъ, а въ деньгахъ. Пушечное мясо вербуетъ бывшій князь Ливенъ за счетъ Антанты. Подбирается банда изъ надежныхъ людей — изъ бывшихъ офицеровъ, буржуевъ и капиталистовъ. Это серьез-

иѣе, чѣмъ войска Антанты... Здѣсь не поможеть агитaciя и придется драться до конца: или мы, или они!

Война классовая, товарищъ Меркуловъ, и можетъ кончиться лишь полной побѣдой одной стороны и окончательнымъ разгромомъ другой. Не забывайте словъ товарища Троцкаго: «если мы не перегрыземъ горла бѣлымъ—бѣлые перегрызутъ наше!»

— И Петроградъ можетъ оказаться въ опасности?

— Довольно легко. Но красный Питеръ постоитъ за себя, товарищи! Это уже дѣло товарищей Троцкаго и Зиновьева... А мы будемъ пока говорить о школахъ грамоты... Каждому — свое!

Возвращаясь домой съ засѣданiя, Борухъ-Мендель думалъ о бѣло-красной войнѣ и о вечеринкѣ, затѣянной Настей. И была странная ассоциацiя между этими двумя непомѣрно-разными явленiями: два мiра, чуждыхъ другъ другу, соприкосновенiе которыхъ вызываетъ бурю.

Какое мѣсто могъ занять Борухъ-Мендель въ бѣло-красной борьбѣ? Никакого! Онъ могъ служить идеѣ, стремиться претворить ее въ жизнь, но война, какъ и всякое проявленiе вражды, была чужда ему... Люди должны подойти собственнымъ сознанiемъ къ оцѣнкѣ своихъ дѣйствительныхъ выгода, и насилию здѣсь не мѣсто... Нельзя притянуть человѣка за волосы къ лакомому блюду и сказать ему: «Бѣшь». Всякое лакомство потеряетъ вкусъ для такого человѣка...

Такъ-же и въ его отношенiяхъ съ Настей. Онъ стремился къ тому, чтобы она поняла его, и сама подошла къ его мiросозерцанiю... Со

стороны же Насти онъ встрѣчалъ элементъ насилия: она хотѣла втолкнуть его въ міръ своихъ бурь, авантюръ, тащила за собой на цѣли его любви, его великой и единственной любви.

Теменъ и пустыненъ былъ городъ. Горы снѣга загромождали улицы, оставляя только возлѣ тротуаровъ узкіе проѣзды. Ихъ кое-какъ расчищали, скѣдывая снѣгъ на середину... Жуткая тишина царila на улицахъ. Темныя окна мертвыми глазами глядѣлись въ застывшую пустоту точно вымершей столицы. Свѣтился огнями лишь особнякъ противъ памятника Глинки — клубъ и общежитіе коммунистовъ района — и рядомъ въ третьемъ этажѣ огромнаго темнаго дома, занимавшаго полквартила — вплоть до Екатерининскаго канала — сиялъ цѣлый этажъ — его квартира, его — Боруха-Менделя изъ Рудогая!

Борухъ-Мендель не сразу вошелъ въ подъѣздъ.

У него было желаніе уйти отъ этого дома и этихъ огней наверху, подчеркивающихъ какое-то безстыдное, наглое торжество, торжество случайныхъ побѣдителей надъ миллионами, погруженными въ трауръ мрака.

VI.

Но онъ не ушелъ, а поднялся по темной лѣстницѣ, влекомый все той-же непомѣрно-могучей силой, притягивавшей его къ Насть и дѣлавшей рай изъ ада — лишь бы она была въ этомъ аду.

Онъ открылъ дверь собственнымъ ключомъ и вошелъ въ освѣщенную переднюю. Прямо были двери въ столовую, и оттуда доносились звонъ гитары и голосъ Нasti, пѣвшей что-то задорное, лахое и безшабашное...

Борухъ-Мендель скинуль пальто — чье-то теплое офицерское пальто, случайно купленное на базарѣ,—и подошелъ къ столовой.

Двери были открыты, и только тяжелая портьера отдѣляла его отъ комнаты.

Голосъ Нasti замеръ въ задорномъ возгласѣ:

— Э-эхъ...

Струны гитары грохнули дикимъ аккордомъ, и раздались рукоплесканія...

— Ай-да, товарищъ Настя! Ну и бабенка же вы, милая моя!

Это пророкоталъ тономъ восхищенія голосъ Нелюбина. Послышался гулъ голосовъ, задвигались стулья по паркету...

— Стойте! Сейчасъ спою другую! По мѣстамъ!

Борухъ-Мендель раздвинулъ портьеру и вошелъ.

Настя сидѣла на столикѣ возлѣ буфета, заложивъ нога за ногу. На ней былъ ослѣпительный бальныи туалетъ, открывавшій шею и красивыя полныя руки... Въ ушахъ, на пальцахъ, на рукахъ сверкали брилліанты, и сама она сверкала возбужденіемъ, казалось пропитавшимъ ее насквозь — вплоть до лакированныхъ ногтей, нервно щипавшихъ струны гитары.

— А, Боренька! Наконецъ-то!

Она бросила гитару и кинулась къ Боруху-Менделю. Повисла по обыкновенію на шеѣ.

— Какъ ты долго не приходилъ! Я успѣла соскучиться.

Нелюбинъ, красный отъ выпитаго вина, сказалъ не безъ зависти:

— Повезло же вамъ, товарищъ Мендель. Этакую любовь послала судьба!

— Ты усталъ и голоденъ? Да? Идемъ скрѣе къ столу, Али... Ахъ, да, этотъ гражданинъ незнакомъ тебѣ. Познакомься: гражданинъ Невзоровъ... Только гражданинъ, на кличку «товарищъ» не откликается...

Настя потащила Боруха-Менделя къ столу, заставленному дорогимъ хрусталемъ, бутылками и всякой снѣдью. Навстрѣчу Менделю поднялся высокій худощавый человѣкъ и протянулъ руку. У него было бритое лицо очень правильное и тонкое. Въ глазахъ и углахъ тонкихъ губъ, казалось, пріютилась насмѣшка — что-то вродѣ смѣси ироніи съ презрѣніемъ.

— Да, только гражданинъ, — подтвердилъ Невзоровъ, пожимая руку Боруху-Менделю.

Остальные были свои: Нелюбинъ, Шакшиновъ, завѣдующій домомъ пролетарскихъ дѣтей Костины — съ бородой подъ Александра III, лысый, съ желтымъ тощимъ лицомъ — черепъ, обтянутый кожей.

— Компания въ сборѣ, — пробасилъ Нелюбинъ, — а потому надо выпить. Рекомендую, товарищъ Мендель, мадеру. Изъ погребовъ Зимняго Дворца. Когда-то попивалъ это вино Николай Романовъ, а теперь пьемъ мы... За ваше здоровье! Не такъ-ли, гражданинъ Невзоровъ? Роли перемѣнились, а?

— Правильно, товарищъ Нелюбинъ, — отозвался Невзоровъ. — Будемъ уничтожать награбленное, какъ сказалъ товарищъ Ленинъ.

Тонкая усмѣшкa змѣйкой пробѣжала по его лицу. Нелюбинъ поморщился.

— и какъ не могу понять васъ, гражданинъ... Вы выражаетесь какъ-то загадочно...

— А что же тутъ загадочнаго? — улыбнулся Невзоровъ и протянулъ стаканъ въ сторону Менделя. — Развѣ я говорю загадками, товарищъ Мендель? Вѣдь самъ Ленинъ сказалъ: «грабь награбленное!» Я комментирую и развиваю эту мысль. Ваше здоровье...

— Чортъ васъ знаетъ, Невзоровъ, — прорубчалъ Нелюбинъ, — иногда вы кажетесь нашимъ, а иногда отъ васъ пахнетъ бѣлогвардейцемъ. Вотъ я о чёмъ. Ну выпьемъ, ладно!

— Не устоялъ еще, очевидно. Нахожусь въ періодѣ броженія, какъ и вся наша добрая страна.

VII.

Настя подкладывала на тарелку Боруха-Менделя кушанья, всецѣло занявшись имъ. Она не безъ гордости во взорѣ пододвинула къ нему коробку омаровъ и страсбургскій пирогъ...

— Видишь, какія у насъ прелести, — не могла удержаться она, чтобы не похвастать.— Кушай, Али, милецькій мой...

На столѣ, дѣйствительно, было много всякой всячины: колбасы разныхъ сортовъ, куски окорока, какіе-то пирожки, сыръ и въ вазахъ конфеты и орѣхи. Столъ блисталъ сервировкой. На бѣлоснѣжной скатерти, кое-гдѣ уже забрызганной виномъ, дробиль искры свѣта хрусталь, и сверкалъ дѣвственной чистотой дорогой фарфоръ. Тяжелые ножи и

вили были серебряные. Все это, вплоть до салфетокъ, нашла Настя въ буфетахъ Баргунина и завладѣла имуществомъ на правахъ по-бѣдительницы въ битвѣ съ агентами товарища Нелюбина.

Борухъ-Мендель невольно нахмурилъ брови при видѣ всей этой роскоши. Непріятное чувство присосалось къ сердцу. Здѣсь было столько съѣстного, что пѣсколько семей голодныхъ могло бы кормиться всѣмъ этимъ чутъ ли не недѣлю... А вина и все остальное!.. Пиръ во время чумы? Нѣть, тамъ передъ лицомъ смерти пировали гордые патриціи, а здѣсь... Боруха-Менделя обдала холодомъ отвращенія непріятная мысль: эта компанія была похожа па шайку пиратовъ, пирующихъ на борту только что захваченаго корабля. Корабль приведенъ въ негодное состояніе, экипажъ его частью церебать, частью томится въ мрачныхъ трюмахъ безъ куска хлѣба и глотка воды, а пираты расположились въ каютахъ капитана, пьютъ и ъдятъ награбленныя яства на ограбленномъ фарфорѣ, па краденомъ се-ребрѣ. И онъ, Борухъ-Мендель, съ ними...

Горькая улыбка шевельнула его губы. У него пропало желаніе кушать и пить...

А Настя отпорхнула отъ него, какъ непосѣдливая затѣдливая бабочка, и была уже возлѣ Невзорова и Нелюбина. По ея лицу, по ея восторгу и возбужденію Борухъ-Мендель видѣлъ, что она счастлива, что она — въ своей стихіи, въ той именно атмосфѣрѣ, гдѣ только могла найти удовлетвореніе ея бурная авантюристическая натура.

— Товарищъ Настя, вы обѣщали пѣсню, голубушка, — глядя на нее масляными глазами, напомнилъ Нелюбинъ. Шакшиновъ, чув-

ствовавшій себя крайне неловко въ присутствіи своего комиссара, поддержалъ просьбу.

— Пѣсню? Ладно...

Настя, сверкнувъ глазами, отбѣжала въ сторону, подхватила съ пола гитару и взвизгнула съ ужимками самой отчаянной шансонетки, «любимицы» публики.

Я шансонетка-а...
Поберегись...
Стрѣляю мѣ-ѣтко
Не попаднешь...

Неприличная, полная пошлыхъ намековъ шансонетка въ ея исполненія выходила игривой, волнующей чувства подвыпившихъ мужчины. Нелюбинъ, отвались на спину стула, по-жираль Настю глазами. На лицѣ Невзорова пропала презрительность.

— Ай-да товарищъ Настя!

— Это по нашему! Славно!

Нелюбинъ вскочилъ съ мѣста и бросился къ Настѣ... Настя, разгоряченная виномъ и пѣснями, кокетливо увернулась отъ него, но метнула огненный взглядъ.

— Товарищъ Нелюбинъ ухаживаетъ за своей богиней-революціей — аллегорическая картина, — раздался насмѣшливый взглазъ Невзорова!

— Вы опять со своими двусмысленностями, — разсердился Нелюбинъ... — Чортъ возьми, однако... Если рѣчь зашла о революціи, такъ надо и ей честь отдать. Ну, товарищи, дружно!

Онъ всталъ въ позу дирижера, слегка покачиваясь грузнымъ тѣломъ.

Вставай проклятьемъ заклейменный
Весь міръ голодныхъ и рабовъ...

Шакшиновъ откликнулся ему фальшивымъ теноромъ. Пьяненький Костинъ присоединилъ къ нему свое какое-то особенное козлиное блеяние. Все вышло шумно, но нескладно и рѣзalo слухъ.

Невзоровъ бросилъ Боруху-Менделю:

— Какъ величественно, не правда-ли !

Нелюбинъ ревѣлъ пѣсню, не считаясь съ остальными пѣвцами, и размахивалъ ладонью, точно дѣлалъ месмерические пассы. И пѣвцы мало обращали вниманія на дирижера. Пѣли и путали слова и мотивъ до тѣхъ поръ, пока не запутались окончательно. Пѣсня смолкла, забредя въ тупикъ.

— Ни черта съ вами не споешь !—засмѣялся Нелюбинъ.

— А вы, товарищъ, пѣпробуйте «Боже, царя храни !» Можетъ, выйдетъ лучше...

— Это почему ? — изумился Нелюбинъ.

— Привычнѣе. Больше пѣть приходилось...

Нелюбинъ покраснѣлъ. Въ глазахъ вспыхнуль дикій огонь.

— Всему есть границы, гражданинъ ! — крикнулъ онъ черезъ комнату. — Остерегитесь ! Мнѣ приходилось и за меныше пристрѣливать болтуновъ.

— Вѣрю, — спокойно отозвался Невзоровъ.

— Но чего вы кипятитесь ? Я полагаю, служа офицеромъ у Николая Романова, вы должны были и пѣть его гимнъ...

Настя поняла, что дѣло могло дойти до скандала. Нелюбинъ изъ краснаго сталъ бѣлымъ, и рука его потянулась къ заднему карману галифе.

— Стой! Довольно! — кинулась къ нему Настя. — Ссориться я не позволяю никому. Слушайте вы, жалкие мужчины! Отъ вашихъ рѣчей у меня прокисло все внутри. Неужели никто изъ васъ не сумѣетъ найти хорошее развлеченіе? Развѣ нѣтъ мѣста, напримѣръ, куда бы мы могли поѣхать повеселиться?

Нелюбинъ метнулся послѣдній мрачный взглядъ на Невзорова... Лицо его немногого прояснилось.

— Вѣрно, товарищъ Настя! Мы, право, никуда не годимся. Поѣхать куда-нибудь можно. Къ «Медвѣдю», что-ли?

Компания была готова на все. Одинъ Невзоровъ отрицательно покачалъ головой.

— Тамъ гнѣздо Зиновьева... Намъ можетъ оказаться тѣсно. Лучше въ «Хуторокъ» — и ближе и свободнѣе.

— Это вѣрно, «Хуторокъ» лучше, — подтвердилъ Шакшиповъ.

— Уютнѣе, — добавилъ Костинъ,

— «Хуторокъ», такъ «Хуторокъ»! — рѣшила Настя. — Мнѣ хоть къ чорту на рога — лишь бы было весело...

Въ передней раздался стукъ въ наружную дверь.

— Ну, еще кого-то несетъ на огонекъ! — пробасилъ Нелюбинъ...

Настя выбѣжала въ переднюю. Черезъ минуту вернулась.

— Тебя спрашиваетъ какая-то женщина, Али, — сказала она, и нотки ревности ясно прозвучали въ ея голосѣ. — Чего ей нужно?

VIII

Борухъ-Мендель вышелъ въ переднюю. Тамъ стояла Тешихина. Ея птичье лицо выражало изумленіе и любопытство. Должно быть, зоркій глазъ этой женщины проникъ уже сквозь пергерь въ столовую.

— У васъ весело, — сказала она съ ехидной улыбкой. — А я къ вамъ, товарищъ Мендель, по экстренному дѣлу.

Борухъ-Мендель пригласилъ ее въ кабинетъ.

Товарищъ Тешихина вошла и окинула однимъ быстрымъ взглядомъ обстановку, тѣмъ взглядомъ, который въ мигъ одинъ запечатлеваетъ въ памяти женщины всѣ мелочи видѣнаго.

— Вы устроились теперь лучше, товарищъ Мендель... Конечно, комиссару пельзя иначе... А я вотъ по какому дѣлу къ вамъ... Мнѣ нуженъ экстренно врачъ. Въ дѣтскомъ саду не-пріятное происшествіе — ошпарился ребенокъ горячей кашей. Домашняя аптечка безсильна — случай серьезный очень, и нуженъ врачъ... Я была у доктора Геда, но онъ не пожелалъ идти со мной. Говорить: «если будетъ распоряженіе отъ комиссара — я пойду, но не иначе». Ну, какой же это совѣтскій врачъ? Я давно говорила, что намъ нужно завести для нашихъ учрежденій своихъ врачей... Правда,

докторовъ нѣтъ, но ихъ можно найти... Вотъ хотя бы молодой лѣкарь Озолинъ, о которомъ я говорила.

Боруху-Менделю былъ непріятенъ этотъ визитъ. Нужно же было ей явиться въ этотъ именно вечеръ!

— Хорошо, я напишу записку къ товарищу Геду. Но вы напрасно обижаетесь на него: такой порядокъ дѣйствительно заведенъ врачебнымъ отдѣломъ, и каждое требование должно быть подписано отвѣтственными лицами. Я сейчасъ напишу вамъ.

Борухъ-Мендель сѣлъ за столъ, вынулъ клочокъ бумаги и написалъ записку врачу. Едва онъ успѣлъ подписать подъ ней свое имя, какъ въ кабинетъ вошла Настя.

— Что ты такъ долго, Али? Зачѣмъ пришла эта женщина?

Она дышала съ трудомъ и смѣрила Тешину взоромъ, потемнѣвшимъ отъ ревности. Женщина съ птичьимъ лицомъ отвѣтила ей насмѣшивымъ взглядомъ, говорившимъ: «а, я понимаю теперь все». Но словами она выразила другое:

— Развѣ я должна говорить еще и третиймъ лицамъ о своемъ дѣлѣ? — задала она полуиронической, полусерьезный вопросъ Боруху-Менделю.

Все это было глупо и неловко. Спокойный и уравновѣшенный Борухъ-Мендель чувствовалъ себя мальчишкой, попавшимъ въ бѣду и не знавшимъ, какъ выйти изъ положенія.

— Настенька, я сейчасъ приду... Иди къ гостямъ.

Но въ Настѣ говорили вино и ревность. Она рѣшительно потрясла головой.

— Какъ бы не такъ... Пускай она сперва уйдеть.

У Тешихиной дергались мускулы лица отъ внутренняго злораднаго смѣха. Она взяла записку изъ рукъ Менделя и кивнула головой.

— До свиданія, товарищъ Мендель! Благодарю васъ... Желаю вамъ веселиться...

И сколько яда, сколько унизительной насмѣшки было въ этихъ словахъ. Борухъ-Мендель покраснѣлъ, точно отъ удара бича...

«Теперь сплетня совѣта станетъ сказкой района, — подумалъ онъ, затворяя дверь за Тешихиной.—И почему этой именно женщинѣ удается видѣть все, что не нужно?»

IX.

Компанія въ столовой уже собралась въ путь. У мужчинъ торчали изъ кармановъ горлышки бутылокъ. Пьяный Нелюбинъ размахивалъ почему-то огромной пачкой керенокъ.

— Гуляй, ребята! У коммуниста Нелюбина хватитъ на всѣхъ...

— У гражданина Невзорова тоже, — спокойно отозвался Невзоровъ. — Засуньте вы ихъ лучше обратно за голенище... У меня складъ керенокъ не меньше. Найдутся и николаевскія!

— Въ «Хуторкѣ» уважаютъ николаевскія, — авторитетно замѣтилъ Шакшиновъ.

— У коммуниста Нелюбина найдутся и николаевскія! — хвастливо отозвался Нелюбинъ... Ну, разъ забрали про запасъ коня-чишко — можно и тронуться... Автомобиль

прибудет сейчасъ — я звякнуль уже по телефону.

Боруха-Менделя никуда не тянуло. Онъ съ наслажденiemъ остался бы дома. Но Настя и слышать объ этомъ не хотѣла. Пришлось Боруху-Менделю надѣть свою шинель. Нелюбинъ сунулъ и ему въ карманъ бутылку.

— Тамъ иногда не хватаетъ напитковъ, — сказалъ онъ. — Собственно, пойло найдется всегда, но не высокой марки... Надо захватить съ собой — пригодиться.

Такой шумной компаніи давно не слышало эхо темной лѣстницы барскаго дома. Пьяные голоса и смѣхъ наполнили ее гамомъ сверху до низу. Впереди спускался Нелюбинъ свѣтла карманнъмъ фонарикомъ за нимъ Костинъ и Шакшиновъ... Невзоровъ шелъ позади Боруха-Менделя, замыкая шествie...

Швейцаръ дожидался уже внизу, выгнанный шумомъ изъ своей каморки подъ лѣстницей. Онъ открылъ двери и распахнулъ ихъ настежь.

— Молодецъ, — одобрилъ Нелюбинъ. — Погоди-ка... На тебѣ за труды...

И въ рукахъ швейцара оказалась бутылка коньяку — можетъ быть того самаго, что подавали и къ царскому столу въ исключительныхъ случаяхъ.

Привлеченный шумомъ подошелъ милиционеръ съ угла, дежурившій возлѣ районнаго участка.

— Граждане, по какому случаю? Кто такие? задалъ онъ вопросъ, но узналъ Нелюбина и сказалъ подобострастно: — а, это вы, товарищъ Нелюбинъ? Здравствуйте!

— Здорово, товарищъ... Пособи-ка намъ забраться въ автомобиль...

Х.

«Пролетарскій хуторокъ» — былъ притономъ самого странного свойства. Когда-то онъ былъ чиннымъ рестораномъ, въ которомъ собирались нѣмцы-конторщики и мелкие чиновники по случаю получки жалованья или товарищескихъ юбилеевъ...

Во время войны ресторанъ захирѣлъ, а послѣ октябряской революціи группа офицантовъ устроила коллективъ и открыла... «Пролетарскій Хуторокъ». И зажиблъ «Хуторокъ» жизнью.

Матросы и красногвардейцы кутили здѣсь съ особеннымъ шумомъ и трескомъ. Въ «Хуторкѣ» можно было получить всѣ запретные напитки, лишь бы было чѣмъ заплатить за нихъ. А платили чѣмъ угодно, начиная отъ полотнищъ керенокъ и кончая брилліантами, золотомъ и серебромъ — въ этомъ отношеніи хозяева «Хуторка» были покладисты и брали все, что предлагали имъ подгулявшіе гости.

Милиція знала о кутежахъ въ «Хуторкѣ», но показывала туда носъ только въ томъ случаѣ, если ее вызывали. А вызывали ее тогда, когда приходилось убрать чье-нибудь тѣло, чрезмѣрно пострадавшее въ горячей схваткѣ. Случаи эти были нерѣдки: гости «Хуторка» не жалѣли патроновъ и расходовали ихъ съ тѣмъ большей охотой, чѣмъ больше градусовъ гуляло въ ихъ буйныхъ головахъ.

Когда прибыла напа компанія, въ «Хуторкъ» стоялъ дымъ коромысломъ. Въ длинномъ низкомъ залѣ въ сизой мутѣ табачнаго дыма расплывались кучки людей, лѣпившихся возлѣ столиковъ. Отъ говора гудѣло точно въ баѣ, только было значительно шумнѣе. Слышались дикія завывавія пьяныхъ хоровъ — разныя пѣсни въ разныхъ концахъ зала.

Шумъ и смрадъ тяжело обрушились на голову Боруха-Менделя. Ему казалось, что и Настя не выдержитъ такой обстановки и повернетъ обратно. Но взглянувъ въ лицо Насті, онъ изумился.

Настя точно попала въ родную стихію. Ноздри ея раздулись, глаза искрились возбужденіемъ. Обстановка не только не поражала ее, не отталкивала, а точно привлекала, засасывала.

— О, да и густо же тутъ! — вырвался у нея возгласъ, въ которомъ слышались одобрение и удовольствіе.

Нелюбінъ и Невзоровъ теперь шли впереди, прокладывая дорогу среди столовъ. Пришлось буквально проталкиваться между стульями, задѣвая за ноги и за локти сидѣвшихъ кутіль. Ни одного трезваго лица не было среди нихъ. Женщины, находившіяся почти въ каждой компанії, тоже не создавали исключенія.

Свободнаго столика не было. Но Нелюбіна и Невзорова хорошо знали въ «Хуторкъ»: распорядитель вытащилъ изъ-за буфета свой столикъ, служившій конторка. Появились стулья, скатерть, и все было въ порядкѣ.

У Боруха-Менделя начинала болѣть голова: сдавливало виски тяжелой, свинцовой болью. Онъ опустился на стулъ рядомъ съ

Настей унылый и чуждый всему окружающему, думая лишь о томъ, когда кончится этотъ дикий вечеръ.

Очень шумная группа моряковъ начала раздвигать столы посерединѣ зала, очищая площадку для танцевъ. Послышались протесты потревоженныхъ гостей, проклятья, ругательства.

— Даешь мѣсто, товарищи! Посторонись...

— Легче! Легче, тебѣ говорять...

— Обыкновенно дѣло кончается въ такихъ случаяхъ перестрѣлкой,—наклоняясь къ Настѣ сказалъ Невзоровъ. — Вы не боитесь?

— Нисколько. Въ нась же стрѣлять не будуть.

— Ну, пуля не спросить разрѣшенія — можетъ пожаловать въ любое время.

— А, шальная! Ну если шальной пули бояться, такъ и носа изъ дома нельзя казать!

— Ого, какая вы смѣлая! Мнѣ не хотѣлось бы васъ видѣть убитой. Но какъ васъ звать? Скажите ваше имя и отчество.

— А зачѣмъ? — задорно улыбнулась Настя. — Зовите просто Настей.

— Хорошо. Такія, какъ вы, женщины много могутъ сдѣлать...

Нелюбинъ выгрузилъ на столъ бутылки и ушелъ заказывать ужинъ. Остальные смотрѣли, какъ на очищенной серединѣ зала грузно и неповоротливо начали топтаться моряки, исполняя какой-то вѣдомый только имъ однѣмъ танецъ.

Откуда-то появился скрипачъ — невзрачный человѣкъ, вѣрнѣе тѣнь человѣка, до того онъ былъ блѣденъ и истощенъ. Скрипка дрожала въ тонкихъ костлявыхъ пальцахъ, и

смычокъ почти не повиновался усиливъ музыканта. Онъ игралъ, а подъ эту музыку грустно топали о полъ матроскіе сапоги.

Невзоровъ бросилъ украдкой взглядъ на Боруха-Менделя. Злосчастный комиссаръ тоже смотрѣлъ усталымъ, ничего невидящимъ взглядомъ въ сторону танцоровъ.

— Настя, вы любите опасности? — спросилъ Невзоровъ.

— Я люблю прежде всего золото и деньги, — засмѣялась Настя. — А опасности, кто ихъ любить?

— А если опасности несутъ много золота и много денегъ? — сверля ее взглядомъ, снова спросилъ Невзоровъ.

— Тогда съ ними можно примириться. А почему вы это спрашиваете? — заинтересовалась она.

— Такъ, изъ любопытства...

Но она въ глазахъ Невзорова прочла другое близкое и понятное ей — встрѣтила хищника и почуяла его всѣмъ нутромъ. Даже сердце забилось.

— Изъ любопытства о такомъ не спрашиваютъ.. А если хотите сказать что-нибудь дѣльное, можно будетъ, — она понизила голосъ до шепота, — можно днемъ до 12 часовъ позвонить ко мнѣ по телефону.

И она сообщила номеръ.

Лицо Невзорова на мигъ отразило радостное изумленіе, точно онъ совершенно неожиданно преодолѣлъ громадное затрудненіе.

XI.

Настю влекло къ танцамъ — къ этой площадкѣ, гдѣ нелѣпо колыхались уже пары — моряки и ихъ дамы.

— Боренька, можно мнѣ потанцевать? — спросила она Боруха-Менделя.

Онъ безпомощно посмотрѣлъ на нее.

— Потанцуй, только я не буду...

— Да ты и не умѣешь, — звонко разсмѣялась она и взъерошила его волосы... Ну, господа кавалеры, кто со мнѣй кѣкъ-уокъ плясать будетъ?

— Понятно я, — пробасилъ Нелюбинъ.

— И я, — отозвался Невзоровъ.

— Ладно, поочереди, — рѣшила Настя. — Ну, руку, товарищъ комиссаръ...

Она вышла изъ-за стола легкая, стройная и пошла къ танцующимъ, опираясь на руку Нелюбина.

Шакшиновъ и Костинъ куда-то исчезали. Борухъ-Мендель и Невзоровъ остались вдвое-емъ.

— Наша парочка произведетъ фуроръ, — сказалъ Невзоровъ, глядя вслѣдъ Настѣ. — Боюсь, чтобы не вышло чего-нибудь.

— Чего? — испуганно спросилъ Мендель, но и самъ безъ отвѣта понялъ, чего опасается Невзоровъ.

— Публика здѣсь не изъ уравновѣшенныхъ, да и комиссаръ Нелюбинъ не изъ покладистыхъ... Нужно быть насторожѣ, товарищъ Мендель...

Настя и Нелюбинъ затерялись въ массѣ танцующихъ. Все по началу шло хорошо. Пара, дѣйствительно, выдѣлялась среди остальныхъ танцоровъ и обратила на себя вниманіе. Особенно Настя. Она танцевала такъ, какъ танцуютъ этотъ дикій танецъ на эстрадахъ, подбрасывая высоко ноги и пристукивая каблуками. Нелюбинъ оказался хорошимъ партнѣромъ...

Кое-кто изъ танцоровъ превратился уже въ зрителей, и вокругъ Нasti съ Нелюбинымъ сгрудился кружокъ, совершенно скрывшій ихъ отъ взоровъ Боруха-Менделя и Невзорова.

И вдругъ раздался странный возгласъ, словно вынырнувшій изъ гула возгласовъ одобренія, а потомъ звукъ удара — звонкій щелкъ пощечины.

Зрители возлѣ танцоровъ пришли въ движение. Раздались крики негодованія, площадная брань вздыбилась надъ толпой.

— Ахъ, такъ...

— Нашихъ бить!

Невзоровъ, какъ стрѣла, сорвался съ мѣста. Борухъ-Мендель, двинутый беспокойствомъ, кинулся за нимъ.

— Ты за револьверъ? А...

— Батюшки, убили! — звонкимъ воцлемъ покрылъ гуль голосовъ и шумъ схватки Настинъ голосъ.

Толпа шарахнулась, и сразу стало пусто посерединѣ зала... Невзоровъ однимъ прыжкомъ очутился возлѣ Нasti и подхватилъ ее, готовую упасть... Только Нелюбина некому было поддержать. Онъ грузно опустился, точно присѣлъ и потомъ тяжело отвалился навзничь.

— Комиссара убили! — крикнулъ кто-то.

— Ну, и дѣловъ!

Появился блѣдный и дрожащій Шакшинъ и наклонился къ Нелюбину. Подошло еще нѣсколько любопытныхъ.

— Ножомъ его... Въ сердце прямо.

— Каюкъ...

Но Нелюбинъ подавалъ признаки жизни. Онъ прижималъ руку къ лѣвому боку, откуда сквозь сукно френча сочилась кровь, и слабо стоналъ.

— Милицію надо!
— Оказать помощь...

Залъ очищался отъ публики. Гости «Хуторка» не очень любили имѣть дѣло съ милиціей при такихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ, и вскорѣ во всемъ ресторанѣ осталась только Настя, Невзоровъ, Шакшиновъ да Борухъ-Мендель возлѣ неподвижнаго Нелюбина.

XII.

Случай съ Нелюбінимъ произвель непріятное впечатлѣніе на совѣтъ и создалъ особенно тяжелое положеніе для Боруха-Менделя.

Созвали экстренное собраніе исполнительнаго комитета, и Боруху-Менделю пришлось давать показанія. Но онъ ничего не могъ сказать, не могъ описать происшествія. Только по разсказу Нasti онъ могъ набросать приблизительную картину того, что произошло. Какой-то пьяный морякъ съ «Авроры» пожелалъ занять мѣсто Нелюбина въ танцѣ и безцеремонно оттолкнулъ его. Нелюбінъ отвѣтилъ пощечиной и схватился за револьверъ. Но выстрѣлить ему не дали. Кто-то изъ толпы ударилъ кинжаломъ Нелюбина, и тогда произошелъ переполохъ. Настя знала только одно, что убийца былъ не морякъ съ «Авроры».

Исполнительный комитетъ вынесъ резолюцію, осудившую поведеніе Боруха-Менделя и всей его компани.

«Въ то время, — гласила резолюція, — когда революція въ опасности, и всѣ ея борцы должны сохранять себя для борьбы съ вра-

гами пролетаріата, ціяноство и непотребство должны клеймиться самимъ эпергичнымъ образомъ, какъ явленія, позорящія честное имя борцовъ за свободу и отвлекающія ихъ отъ прямой дѣла — служенія пролетаріату. Товарищъ Мендель заслуживаетъ пѣкотораго снисхожденія въ виду того, что исполкомъ знаетъ его отвращеніе къ такому образу жизни и считаетъ его невольно втянутымъ въ этотъ прискорбный случай. Объявляя простой выговоръ товарищу Менделю, исполкомъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Эта резолюція наполнила душу Менделя чувствомъ жгучаго стыда. Ему было стыдно смотрѣть въ глаза товарищамъ, и онъ сидѣлъ, опустивъ голову, пришибленный и жалкій, думая о томъ, что сейчасъ ему нужно сложить съ себя всѣ обязанности по совѣту. Да и къ чему онъ теперь? Мечты о дворцахъ для дѣтей терпѣли окончательное крушеніе подъ на- тискомъ голода и неразберихи грозныхъ событій. Да и чуждыми стали эти мечты Боруху-Менделю...

Онъ поднялъ голову и попросилъ слова.

— Я полагаю, товарищи, — сказалъ онъ тихимъ, но почти спокойнымъ голосомъ, — я полагаю, что мнѣ нужно сказать вамъ «прощайте». Когда я пришелъ сюда работать, я думалъ, что мои силы дѣйствительно принесутъ пользу великому дѣлу строительства новой жизни. Но это оказалось не такъ. Строить ничего нельзя, ничего мы не можемъ построить. Почему? Это не моя и не ваша вина.. А кормить дѣтей могутъ и безъ меня.. Я думаю, товарищи, что мнѣ пора покинуть мою должность... И я прошу освободить меня отъ нея.

Ему казалось, что они только и ждали этого заявления и сейчас же разстанутся съ нимъ. Что опъ имъ? Случайный встрѣчный, не связанный съ ними ни партіей, ни глубиной убѣждений.

И опъ искренно изумился, когда Израилевичъ сказалъ:

— Въ данный моментъ никто не имѣть права покидать своего поста. Совѣтская власть безъ способа важныхъ причинъ не можетъ разстаться ни съ однимъ изъ своихъ работниковъ, тѣмъ болѣе съ такимъ испытаннымъ, какъ вы, товарищъ Мендель. Васъ обидѣла резолюція?

— Нѣтъ. Вы совершенно правы, вынося такую резолюцію, и я не возражаю противъ нея. То, что я сказалъ, и есть единственнымъ поводомъ, понуждающимъ меня покинуть совѣтъ.

— Но я васъ не отпущу. Вы должны остаться на своемъ посту. Кромѣ того вамъ временно придется замѣщать и товарища Нелюбина, до тѣхъ поръ, пока не найдется ему замѣститель. Партия сейчасъ бѣдна людьми.

— А еще вамъ слѣдуетъ вступить въ партію, — сказалъ Гельфандъ, — пополнить ея силы. Тогда у васъ никогда не будетъ никакихъ колебаній и за васъ все будетъ рѣшать партія. Идите къ намъ, товарищъ Мендель!

Борухъ-Мендель покачалъ головой.

— Нѣтъ. Я еще не готовъ для партіи. Но ужъ, если совѣтская власть нуждается въ моей работѣ, я останусь, — со вздохомъ произнесъ онъ.

— Дѣло кончено, — подтвердилъ Израилевичъ. — Вы сегодня же принимаете на себя

обязанности жилищного комиссара. И будете въ то же время наблюдать за кормлениемъ дѣтей... А когда революція побѣдить окончательно, будете строить дворцы...

XIII.

Для Боруха-Менделя потянулись дни тяжелой, нудной подневольной работы. Его прямая честная натура не выносила компромиссовъ и потому, взявъ на себя работу, онъ стремился выполнить ее безукоризненно.

А это было трудно и причиняло много непріятностей.

Въ жилищномъ отдѣлѣ ему приходилось сталкиваться съ самыми разнообразными притязаніями людей, жаждущими переселиться изъ подваловъ во дворцы. Приходили тысячи жалкихъ людей, требовавшихъ ордера на квартиры, покинутая знатью.

И Борухъ-Мендель, столкнувшись лицомъ къ лицу съ массой, населяющей хижины, понялъ полную невозможность переселить ее во дворцы — не было еще такого количества дворцовъ на свѣтѣ. Кромѣ того переселенію мѣшали инструкціи, согласно которымъ коммунистамъ предоставлялись лучшія квартиры и въ первую очередь, во вторую очередь удовлетворялись требованія совѣтскихъ служащихъ, а затѣмъ слѣдовали уже притязанія остальной массы — свободнаго пролетаріата.

Въ концѣ концовъ на долю этого пролетариата оставались только хижины... Вопросъ

только въ томъ, что кое-кому выпадала хижина
немного лучше, кое-кому похуже...

И это вносило новый разладъ въ душу
Боруха-Менделя. Идеалъ, принятый имъ во-
сторженно за совершенство справедливости и
правды, меркъ и тускнѣлъ, оставляя все боль-
ше горечи въ душѣ...

Но работать все-таки было нужно. Не
пробилъ еще часъ окончательного разрыва, и
потому Борухъ Мендель съ утра до ночи про-
падалъ въ совѣтѣ.

Особенно тяготила его необходимость при-
нимать отъ жилищныхъ агентовъ драгоцѣнно-
сти, найденные въ покинутыхъ богатыхъ
квартирахъ. Этими драгоцѣнностями былъ за-
полненъ громадный желѣзный шкафъ въ каби-
нетѣ жилищнаго комиссара. Золота и брил-
ліантовъ было тамъ на миллионы рублей. Все
скапливалось и пока никуда не сдавалось —
лежало на отвѣтственности Боруха-Менделя.
Самого его эти залежи богатствъ нисколько
не интересовали, но онъ видѣлъ много жад-
ныхъ взглядовъ, бросаемыхъ въ сторону шка-
фа съ сокровищами и боялся, чтобы алчность
людская не поставила бы его въ ложное полож-
женіе.

Между нудной возней по жилищному от-
дѣлу и выслушиваніемъ донесеній Шакшинова
о кормлениі дѣтей — по своему отдѣлу — проте-
каль весь день Боруха-Менделя.

XIV.

Только ночью, дома, онъ отдыхалъ. Настя
попрежнему и даже съ большей еще властью

м'яняла его настроенія. Одинъ ея взглядъ, одно прикосновеніе губъ ко лбу заставляло улетучиваться скверныя тяжелыя мысли, ускользяло біенія сердца и открывало путь въ міръ сказки и любви.

Она была попрежнему весела и беззаботна, но что-то новое влилось въ нее. Борухъ-Мендель не зналъ, какъ проводить она дні. Она рѣдко павѣщала его въ совѣтъ и чѣмъ заполняла досугъ — ему было неизвѣстно. Это, положимъ и не интересовало его. Въ ея ласкахъ, въ ея любви не было фальшивыхъ потокъ — она цѣликомъ принадлежала Боруху-Менделью. Это онъ чувствовалъ, это зналъ и этого было вполнѣ достаточно.

Иногда ея не было дома по вечерамъ.

Борухъ-Мендель приходилъ въ пустую квартиру. На столѣ въ столовой заботликая рука оставляла ему ужинъ, но одинъ Борухъ-Мендель не прикасался къ нему. Онъ уходилъ въ спальню — въ красивый, изящный какъ бонбоньерка будуаръ — и тамъ ждалъ возвращенія Насті.

Въ спальнѣ, среди ея вещей онъ чувствовалъ себя не такимъ одинокимъ. Вся остальная квартира угнетала, давила его, казалась безъ Насті пустыней, чуждой и враждебной. Въ спальнѣ же обитала частица ея, запахи ея духовъ, ея тѣла, части туалета, еще хранившія ея теплоту.

Настя возвращалась не очень поздно. И видъ у нея былъ такой, точно она занималась какими-то дѣлами: была немножко усталая, немного сосредоточенная.

— Гдѣ ты была, Настенька?

Она по разному отвѣчала на этотъ вопросъ: то митингъ, то собраніе, то просто про-

гулка отвлекли ее от дома. Сухо и дьяловито звучали ея отвѣты, и чудилась какая-то фальшь за ними.

Но ласки ся были бурны и ненасытны, и фальшь теряла всякий смыслъ: ни одинъ мужчина не стоялъ еще на пути Боруха-Менделя, и счастью его ничто не угрожало.

Однажды Настя вернулась позже обыкновенного. Она была сильно возбуждена, и, помогая ей скинуть шубку, Борухъ-Мендель уловилъ сквозь духи запахъ вина.

Она немного выпила, но не была пьяной, и все-таки это непрѣятно поразило Боруха-Менделя. Онъ ничего не сказалъ, но она поняла его мысли, прочла ихъ въ грустномъ взорѣ черныхъ глазъ.

— Боренька, миленький, не брани меня... Я немного повеселилась и выпила всего только капельку, такъ, для компаний. Надѣюсь, ты дурно не думаешь обо мнѣ?

И чтобы сгладить непрѣятное впечатлѣніе, кинулась душить его въ объятіяхъ.

— Нѣть, я дурно не думаю о тебѣ. Только мнѣ кажется, что между нами стоитъ что-то... Ты не говоришь мнѣ о чёмъ-то и что-то носишь въ себѣ. Это меня беспокоитъ.

Настя смутилась слегка. Она не ожидала этихъ словъ и встрѣтила ихъ неудовольствіемъ.

— Всѣ вы мужчины одинаковы, — хмурия брови, сказала она и отвернулась къ зеркалу. — Если мы повеселимся немного безъ васъ, вамъ кажется нивѣсть что... Ну, я была въ ресторанѣ, ужинала съ одной компанией. Что же въ этомъ особенаго?

— Ничего... Съ кѣмъ ты была, Настенька?

— Не все ли равно? Ну была съ Невзоровымъ и еще съ другими. Можешь успокоиться, тебя я не промѣняю на нихъ... Ахъ, Али, Али... Если бы ты зналъ, что я думаю только о нашемъ будущемъ...

Она скинула тяжелое шелковое платье и въ бѣльѣ порхнула въ ванную комнату. Ея голосъ раздался оттуда звонче обыкновенпаго — отраженный мраморомъ:

— Только о тебѣ и о себѣ, Али... Но что я затѣяла — это секретъ и тебя не касается...

И въ этомъ полупризпаніи прозвучала недоговоренность, намекъ на какую-то тайну, отдѣлявшую Настю отъ него. Что-то захватило ее, какая-то новая мысль, можетъ быть отчаянная авантюра. Это почувствовалъ Борухъ-Мендель всѣмъ сердцемъ, и оно заныло точно отъ тягостнаго предчувствія.

Они лежали потомъ въ постели, и сонъ бѣжалъ отъ нихъ. Боруха-Менделя точно угнетала темнота. Она не спала, занятая беспокойными мыслями.

— Неужели, Боренька, ты думаешь, что мы всегда будемъ такъ жить? — вдругъ произнесла она пыглово: — неужели ты думаешьъ, что большевики долго нацарствуютъ? Какъ бы не такъ... скоро ихъ прогонятъ. Самъ вотъ знаешь, что скоро Питеръ возьмутъ бѣлые. Это всѣ говорятъ. Такъ неужели и намъ пропадать вмѣстѣ съ ними? Нѣть, милый, я черезчуръ хитра для этого. Понимаешь? Сейчасъ какъ разъ время урвать побольше отъ момента и улизнуть совсѣмъ. Это хорошо, что ты не большевикъ... Вмѣстѣ съ тобой мы можемъ хорошо зажить и убѣлыхъ... Понимаешь? Твоя Настенька думаетъ обо всемъ, и ты не беспокойся....

Этимъ она вдругъ открыла передъ нимъ все. И вмѣстѣ съ этими словами открылась и бездна, всегда находившаяся между ними. Настя-авантюристка, Настя-проститутка была по ту сторону бездны, а онъ — съ другого края ея. Мостомъ была любовь, и даже не глубокая духовная любовь, а страсть — непрочнымъ мостомъ, который могъ обрушиться въ любой моментъ...

Даже силой своей любви онъ не могъ поставить Настю рядомъ съ собой. Ей чуждъ былъ его міръ, ей чужда была его душа. Она любила и его и его душу, по такъ, какъ можно любить божество: чувствовать его высоко надъ собой, но не стремиться въ эту непонятную высь.

Онъ былъ идеалистъ, фантазеръ, начиненный книжной мудростью всѣхъ временъ и народовъ. Она — хищница. Красивый хищный звѣрь, жаждущій урывать лакомые куски отъ жизни, не заботясь ни о чемъ кромѣ себѣ самой...

Борухъ-Мендель еще разъ осозналъ это и вздохнулъ.

— Не зпаю, что ты задумала, Настя, — сказалъ онъ, — но я не намѣрѣнъ бѣжать передъ какой-бы то ни было опасностью.

Она приподнялась на локтѣ, приблизила лицо къ его глазамъ и сказала почти презрительно:

— Дуракъ! Но что говорить объ этомъ съ тобой. Когда нужно будетъ — пойдешь со мной.

— Зачѣмъ?

— Останешься? Ну, если мнѣ нужно будетъ бѣжать отъ этихъ же большевиковъ?

Останешься съ ними? А если они меня поймают и убьют, и ты будешь съ ними? Да?

Она уже страстно требовала отвѣта.

Борухъ- Мендель отвѣтилъ сейчасъ- же. Этотъ отвѣтъ былъ давно продуманъ, давно жилъ въ его душѣ.

— Если будешь угрожать тебѣ какая нибудь опасность, я всегда буду съ тобой. Ты, Настенька, одна у меня... Больше никого и ничего.

— Ну, то-то!

Она поцѣловала его въ губы успокоенная и довольная.

— А развѣ ты хочешь сдѣлать что нибудь противозаконное? спросилъ онъ.

А развѣ есть сейчасъ какіе нибудь законы? — отпариowała она. — Миленький, законы погибли вмѣстѣ съ Николаемъ Романовымъ... Сейчасъ разбойное время. Грабить всякий, а только партія большевиковъ думаетъ, что у нея одной это право, и если кто посторонній попадется, его ухлопаютъ безъ стѣснѣнія... Ха-ха-ха... Дуванъ конечно только промежь себя дѣлить хотять. Такъ всегда разбойники дѣлали. А ты про законъ еще толкуешь! Нѣть закона, и есть только сила да хитрость...

— Но вѣдь ты не собираешься грабить, Настенька? — опущая новое беспокойство произнесъ онъ.

— А думаешь спущу, если подъ руку подвернется? Какъ бы не такъ! Что я хуже зашаго Ленина или Зиновьевъ? Или хуже другой сволочи? Одна шпана каторжная, мой милый... Только я, можетъ, постарше ихъ въ этомъ ремеслѣ и похрабрѣе: я воровала тогда, когда законы были, а они въ тѣ времена хорошими словами пробавлялись. Я рисковала,

а они грабятъ безъ риска... Я своимъ тѣломъ торговала, они тоже себя Вильгельму продали да еще со всей Россіей... И выходитъ, что проститутка, и что они — одна пара. Только проститутка-то, можетъ, получше ихъ да по-смѣлѣе. Такъ, видишь, и права у насть одинаковыя... Почему же мнѣ спускъ давать, если подвернется что хорошее подъ руку?

Борухъ-Мендель ничего не отвѣтилъ. Оригинальность мысли подавила его. Вульгарно, цинично она дала характеристику того, что совершалось въ Россіи. Ей — проституткѣ, воровкѣ — было это череачуръ близко и понятно, и она видѣла то, что для другихъ было скрыто нарядной кричащей завѣсой изъ яркихъ красивыхъ фразъ и пламенныхъ лозунговъ.

XV.

Въ совѣтѣ было много работы. Съ утра и до вечера щелкали пишущія машинки, строча сотни бумагъ. Ни одна изъ нихъ не могла дать ничего реального ни дѣтскимъ учрежденіямъ Боруха-Менделя, ни способствовать урегулированію жилищнаго вопроса.

Подписывая эти бумаги Борухъ-Мендель испытывалъ горькое чувство: подъ ихъ фразами, цифрами и соображеніями погребалось великое настоящее дѣло, онѣ окончательно развѣивали призракъ мечты о дворцахъ для дѣтей и о новыхъ поколѣніяхъ людей — гордыхъ, свободныхъ духомъ властелиновъ земли.

Голодъ продолжалъ блокаду столицы. Морозъ въ союзѣ съ нимъ добивалъ населеніе.

Все выше вырастали снѣжные смерашіе-валы на улицахъ, и все безлюднѣе станово-

вились улицы. Кто могъ — бѣжалъ изъ Петербурга въ провинцію, въ деревню, подальше отъ бѣлаго беамолвія столицы, надъ которымъ одиноко трецихалъ кровавый стягъ, смѣнившій гордаго орла.

Труднѣе становилось добывать пищу для дѣтей. Румяный лоснящійся Шакшиновъ потерялъ долю самоувѣренности и съ утра до ночи рыскалъ по городу, разыскивая почти чудомъ какіе-то запасы чечевицы, гороха и сушеной воблы.

Ни одна изъ бумагъ, отстукаанныхъ на машинкахъ и подписаныхъ Борухомъ-Менделемъ, не могла измѣнить ни на іоту положенія. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ количество бумагъ росло. Совѣтъ разбухъ, превратился въ громадное учрежденіе съ сотнями служащихъ. Голодные интеллигенты, бойкотировавшіе совѣтскую власть, хлынули на службу къ большевикамъ и ихъ некуда было дѣвать.

У Боруха-Менделя въ отдѣлѣ работали уже три машинистки и для каждого подотдѣла былъ особый завѣдующій: и для дошкольного, и для виѣшкольного и для школьнаго. Всѣмъ вмѣстѣ нечего было дѣлать, но они работали, создавали проекты, дѣлали доклады и раство-ряли свою энергію въ общемъ морѣ треску-чихъ фразъ и дѣловыхъ бумагъ...

Все это за нѣсколько керенокъ и жалкій продуктовый паекъ, въ любой «царской» тюрьмѣ послужившій бы поводомъ для голодовки протеста.

Дѣйствительность сузила до убогости полетъ мечты Боруха-Менделя въ области служенія дѣтямъ. Ничего отраднаго не дала она и по жилищному отдѣлу.

Дворцы оказались непригодными для

жилья. Морозъ испортилъ центральныя отопления и водопроводы. Красноармейцы порастаскали калориферы на устройство перегонныхъ кубовъ для самогонки.

И дворцы пустовали. Громадные роскошные дома, оборудованные по послѣднему слову техники, покидались населенiemъ. Оно стремилось въ «хижины», гдѣ въ маленькихъ тѣсныхъ каморкахъ были примитивныя, но надежныя приспособленія для борьбы съ холодомъ и гдѣ воду добывали прямо изъ рѣкъ...

Армія совѣтскихъ служащихъ работала — толкла воду въ ступѣ, а въ верхахъ чувствовалась растерянность.

Съ фронтовъ приходили тревожныя вѣсти: успѣхи Деникина, Колчака нервировали Смольный. Армія Юденича, угрожавшая Петербургу, особенно беспокоила заправиль. Ходили слухи о томъ, что народные комиссары помышляютъ о бѣгствѣ въ Москву, хотятъ перенести центръ власти изъ Смольнаго въ Кремль.

Борухъ-Мендель и жилъ и не жилъ.

Все окружающее, всѣ «злобы дня», волновавшія и питавшія совѣтъ, скользили мимо него, не оставляя глубокаго впечатлѣнія. Онъ опять превратился въ созерцателя, не принимающаго никакого участія въ событіяхъ.

На двойномъ комиссарскомъ посту онъ былъ не больше, чѣмъ манекеномъ. Впрочемъ, никакое горѣніе, никакая даже дьявольская энергія ничего не могла дать реальнаго при создавшемся положеніи. И Борухъ-Мендель больше, чѣмъ кто-либо другой, понималъ это.

У него была своя жизнь. Все начиналось и кончалось тамъ—на бывшей квартирѣ Баргунина — возлѣ Нasti. Любовь его не меркла, а росла, превращаясь въ громадное спо-

койное солнце. Внѣ ея все было чуждо и мертвое, все въ ней — жизнь и счастье.

И міръ и великія событія, творящіяся въ немъ — все оставалось за окнами этой квартирь въ темнотѣ морознаго воздуха, не имѣя права проникать туда, гдѣ царствовала любовь.

Объ этомъ думалъ Борухъ-Мендель, склонясь въ февральскій день надъ грудой бумагъ за своимъ столомъ.

Черный маленький Гельфандъ въ высокихъ сапогахъ и въ кожаной курткѣ ворвался въ кабинетъ, размахивая какой-то бумажкой.

— Вотъ, товарищъ Мендель, предписаніе отъ совѣта народныхъ комиссаровъ — нужно принять отъ васъ золото и драгоцѣнности, конфискованныя въ буржуйскихъ квартирахъ.

— Вы заберете ихъ? — освѣдомился Борухъ-Мендель, кидая бѣглый взглядъ на бумагу. — Это хорошо, что вспомнили наконецъ о нихъ.

— Исполкомъ поручилъ мнѣ доставить ихъ въ Смольный. Много у васъ этой дряни?

— Порядочно. Смотрите.

Борухъ-Мендель открылъ старый денежный шкафъ. Онъ былъ биткомъ набитъ золотыми вещами. Гельфандъ сунулъ руку въ груду золота и вытащилъ горсть дорогихъ беадѣлушекъ.

— Однако, — озадаченно произнесъ онъ. — Тутъ ихъ пуда два будетъ.

Онъ раскрылъ руку, и на столъ посыпалась нѣсколько серегъ, брошка и пара золотыхъ часовъ.

— Да, пуда два будетъ, — меланхолически согласился Борухъ-Мендель. — Это васъ беспокоить?

— Конечно. Я думалъ все забрать въ ручной саквояжикъ, а тутъ цѣлый чемоданище нуженъ!

— Берите чемоданъ.

— Чортъ! А какъ я его потащу? Одному почти не по силамъ.

Въ это время вошла Настя. Она рѣдко заглядывала въ совѣтъ, но была здѣсь своимъ человѣкомъ.

Раскрытый шкафъ и бездѣлушки на столѣ привлекли ея вниманіе. Жадные огоньки вспыхнули въ глазахъ, какъ у голодной тигрицы при видѣ лакомаго куска.

— Ого! Откуда у васъ такія прелести?

Гельфандъ снисходительно улыбнулся.

— Буржуйское наслѣдіе, товарищъ Настя, — сказалъ онъ. — Теперь пригодится для борьбы съ этими самыми буржуями.

— Какъ это? — не поняла Настя.

— Просто: соберемъ все и на это снарядимъ новыхъ бойцовъ революціи.

— А-а, — разочарованно произнесла Настя, — все для солдатъ. Ахъ, какая прелестъ эти серьги! Смотрите, если вы способны понимать красивое; какіе оригиналныя рубины — точно двѣ крупныя капли крови, а брилліанты сверху, какъ двѣ слезы...

Она приложила серьги къ мочкимъ ушей.

— Боже мой! Ну развѣ не прелестъ это?!

— Вамъ это такъ нравится, товарищъ Настя? — спросилъ Гельфандъ, устремляя на нее глаза. — Возьмите себѣ на память, если хотите...

Борухъ-Мендель сдѣлалъ протестующій жестъ. Гельфандъ предупредилъ его возраженія:

— Не смущайтесь духомъ, товарищъ Мен-

дель; эта пара сережекъ не составить разницы. Почему нашимъ женамъ не воспользоваться кусочкомъ блеска нашихъ враговъ? Къ тому же товарищъ Настя всегда принесетъ въ жертву эти побрякушки, если онъ понадобятся на защиту революції. Не такъ ли, товарищъ Настя?

— О, еще бы! — вырвалось у Нasti. Но что она хотѣла сказать, понялъ только Борухъ-Мендель: никакія силы не могли бы заставить ее разстаться съ тѣмъ, что попало въ ея руки.

Борухъ-Мендель положилъ обратно золото и заперъ шкафъ.

— Когда же вы думаете забрать это?

— Сегодня. Въ сумерки. Нужно обставить по возможности незамѣтно мою поѣздку.

— Какъ? Вы увозите эти богатства? — вмѣшалась въ разговоръ Настя.

— Да. Смольный потребовалъ.. Я думаю, товарищъ Мендель, схитрить. Время, знаете, тревожное... Если я возьму охрану, то непремѣнно подвергнусь нападенію. А если просто поѣду, на извозчикѣ (даже не въ автомобилѣ), одинъ, то никто и вниманія не обратить на пролетарія съ чемоданомъ. А? Какъ вы думаете?

— Что же, мысль хорошая! У васъ есть голова на плечахъ, товарищъ Гельфандъ, — улыбнулся Борухъ-Мендель.

Гельфандъ разразился смѣхомъ.

— Еще бы! Какую школу конспирації прошелъ! Итакъ, товарищъ Мендель, въ четыре часа я приду за этимъ барабахломъ, вы ожидайте меня.

Настя не проронила ни слова изъ этого разговора. Она стала задумчивой и серьезной.

Взглядъ ея перебѣгалъ со шкафа, скрывавшаго драгоцѣнности, на Гельфандъ и на Боруха-Менделя. Она точно рѣшала какую-то сложную задачу.

Когда Гельфандъ ушелъ, она вздохнула.

— Подумай, Боренька, какія богатства увезетъ эта черная обезьяна. Ты отдашь ихъ ему?

Борухъ-Мендель кинулъ на нее изумленный взглядъ.

— А то какъ-же?

Она презрительно передернула ноздрями и сказала увѣренно и спокойно:

— Дуракъ. Такъ-таки и отдашь все?

— Ну, конечно.

— А ты думаешь онъ отвезетъ все это въ Смольный, а не оставить у себя?

— Конечно отвезетъ. Гельфандъ порядочный и честный человѣкъ.

— Тоже значитъ дуракъ... Эхъ, да вѣсъ не передѣлать тутъ... Спасибо еще, хоть сережки успѣла вырвать... Ну, сиди себѣ тутъ... А я пришла сказать тебѣ, Боренька, что сегодня приду домой попозже... Ты не беспокойся, голубчикъ.

— А куда ты пойдешь?

— На собраніе женской лиги. Знаешь вѣдь, что я секретарь тамъ... Ну, комиссаръ, цѣлуй меня и жди къ ужину... Мнѣ Невзоровъ прислалъ бутылку шампанскаго, и мы разопьемъ съ тобой, мой любимый... Ладно?

Она порывисто охватила его шею руками и поцѣловала въ губы — сочнымъ и долгими поцѣлуемъ.

XVI.

Въ четыре часа черный жукообразный Гельфандъ явился къ Боруху-Менделю. Въ рукахъ у него былъ большой дорожный чемоданъ.

— Вотъ сюда и положимъ всю эту дребедень, товарищъ Мендель, — весело заговорилъ онъ. — Донести до извозчика мнѣ поможеть товарищъ Тихомировъ — просто, какъ видите. А товарищъ Тихомировъ и знать не будетъ, что несетъ...

Борухъ-Мендель заготовилъ опись вещей. Онъ не зналъ ни цѣны, ни даже названій многихъ драгоцѣнностей и поэтому записывалъ просто вещи, не указывая камни. Гельфандъ взглянуль на опись и хотѣлъ ее сунуть въ карманъ.

— Погодите остановилъ его Борухъ-Мендель, — какъ же такъ? Вы не хотите принять вещи по описи?

— Зачѣмъ это? — весело возразилъ Гельфандъ. — Ни вы ни я не украдли отсюда ничего и не украдемъ... Что же намъ провѣрять? Лишняя работа...

И у Гельфанда не было никакой почтительности, никакого трепета передъ грудами цѣнностей, сверкавшихъ въ шкафу. Онъ подставилъ раскрытый чемоданъ къ шкафу и выгребъ въ него золото и дорогія украшения точно ничего не стоящей мусоръ.

— Если бы не необходимость создать изъ этого средства для обороны революціи, — замѣтилъ онъ — я бы просто утопилъ эту дрянь въ Невѣ. Какъ бы легко чувствовало себя человѣчество, если бы не носило на себѣ тяжесть золотого ярма!

Борухъ-Мендель молча кивнулъ головой.

Мысль Гельфанда нашла откликъ въ его душѣ

— Хлѣбъ, одежда, наука, искусства — вотъ, что нужно человѣчеству, и мы скоро докажемъ миру, что все это можно имѣть безъ золота, путемъ общаго труда. Что? Вы улыбаетесь, товарищъ Мендель? Вы не вѣрите?

— Островъ Утопія, — грустно улыбнулся Мендель.

— Что жъ? Фантазія Мура не лишена вѣкоторой соціалистической закваски, хотя, конечно, не можетъ быть руководствомъ для нашихъ достижений. Товарищъ Мендель, — торжественно поднявъ руку, провозгласилъ Гельфандъ, — дайте намъ справиться съ контрь-революціей, и вы увидите чудеса . . . Да, чудеса будутъ твориться въ Россіи. Она станетъ колыбелью освобожденія человѣчества отъ вѣковѣчныхъ оковъ рабства.

— Дай Богъ, — вздохомъ вырвалось у Боруха-Менделя.

Ну, отъ вашего Бога мы ничего не ждемъ, — отмахнулся Гельфандъ. Впрочемъ съ вами безполезноговорить на эту тему, да и некогда: нужно отвезти этотъ хламъ. А вамъ я совсѣмъ запи-
сься въ партію, старый фантазеръ и мета-
физикъ. Партія вышибетъ изъ васъ метафизику...

Гельфандъ позвалъ Тихомирова — коммуниста, служившаго сторожемъ при совѣтѣ, и вдвоемъ они съ трудомъ потащили чемоданъ нагруженный драгоцѣнностями.

Борухъ-Мендель задумчиво глядѣлъ имъ вслѣдъ. Маленький Гельфандъ со своей непоколебимой вѣрой въ торжестве его идеи казался ему трогательнымъ и жалкимъ въ тоже время. Партія! Она обезличивала людей, дѣлая изъ нихъ рабовъ и не идеи даже, а своихъ собственныхъ. Гельфандъ, презирающій золото,

все-таки тащилъ его этой партіи. Этотъ Гельфандъ скорѣе анархистъ по убѣжденіямъ, подчинялся указкѣ партіи, какъ автоматъ, исполняя каждое ея желаніе и утѣшаясь мыслью, что съ него падаетъ всякая отвѣтственность за послѣдствія... Отвѣчала партія...

Въ такомъ же положеніи были и негры-рабы въ Америкѣ, лишніе воли и лишніе всякой отвѣтственности...

Не то требовалось отъ созиателей колыбели свободы... Не то...

Борухъ-Мендель покачалъ головой и покинулъ кабинетъ, по привычкѣ собравъ со стола бумаги.

Синія сумерки охватили городъ. Небо было прозрачно и чисто, и звѣзды начинали неясно вспыхивать въ темной глубинѣ. Въ прозрачномъ морозномъ воздухѣ точно трепетало вѣяніе приближающейся весны—отзвуки тихой тоски, тревоги грядущей жизни...

XVII.

Насти не было дома.

Борухъ-Мендель прошелъ черезъ столовую и маленькую гостиную въ спальню.

Онъ любилъ здѣсь поджидать возвращеніе Насти, среди ея вещей, всегда въ беспорядкѣ разбросанныхъ по комнатѣ.

На столикѣ — маленькому дамскому письменномъ столику — валялись головные шпильки и нѣсколько листковъ бумаги. Борухъ Мендель взялъ одинъ изъ нихъ безъ всякой цѣли и поднесъ къ глазамъ.

Сумракъ мѣшалъ разобрать, что было написано на бумагкѣ — можетъ быть счетъ, мо-

жеть быть записка къ нему (Настя иногда оставляла такія записочки, когда предполагала особенно долго задержаться гдѣ-нибудь.)

Борухъ-Мендель подошелъ къ окну. Но и тутъ освѣщеніе оказалось недостаточнымъ, чтобы разобрать записку. Пришлось зажечь свѣтъ.

Да, это была записка, но не Настина. Круглый увѣренный мужской почеркъ писалъ:

„Посылаю тебѣ эту записку съ Никономъ, потому что другимъ способомъ не могу снести: я обнаружилъ слѣжку и долженъ запутать слѣдъ. По этой же причинѣ придется отложить и визитъ за золотомъ въ совѣтъ. Если будутъ новости, сообщи по телефону Манѣ — она въ связи со мной... Ахъ, какъ тоскливо безъ тебя, Настюша.. такъ хочется скорѣе почувствовать твои поцѣлую твое... впрочемъ это къ дѣлу не относится. А все-таки цѣлую.. А. Н.“

Борухъ-Мендель два раза прочелъ записку, потомъ медленно опустился на мягкой пуфикъ воалѣ стола. Точно силы вдругъ покинули его — онъ сталъ слабъ, какъ ребенокъ...

И ни волненія, ни острой боли не было въ душѣ. Онъ положилъ записку на столъ, туда, гдѣ она лежала, и поднялся съ пуфа.

У Насти всегда было много связей, ея профессія обязывала къ этому, и то, что Неваоровъ оказался на ея пути, нисколько не казалось чудовищнымъ Боруху-Менделю.

Такъ было и тогда, въ Москвѣ... Такъ будеть и всегда. Развѣ удивительно, что этотъ человѣкъ съ блѣднымъ такимъ смѣлымъ и рѣшительнымъ лицомъ овладѣлъ ею?

Ни алобы къ нему, ни отвращенія къ Настѣ не почувствовалъ бывшій рудогайскій раввинъ. Только тоска заползала въ душу... Сумеречно и пусто дѣгалось въ ней.

— Сумерки любви, — вслухъ подумалъ Борухъ-Мендель и грустно улыбнулся.

Да, солнце его любви, пылавшее яркимъ ровнымъ свѣтомъ, начинало клониться къ закату. Для него было ясно, что снова настаетъ часъ разлуки, и опять Настя исчезнетъ, но теперь навсегда, безъ возврата. И не продумавъ, а какъ-то осязавъ душой эту мысль, Борухъ-Мендель почувствовалъ страшную пустоту... Точно уже не было Нasti, точно она исчезла, ушла, чтобы не возвращаться...

Борухъ-Мендель всѣмъ существомъ своимъ понялъ, что безъ Нasti не можетъ быть жизни для него. Съ ней, только съ ней и только для нея могло биться его сердце, могли жить желанія въ его душѣ, и даже само дыханіе, исходившее изъ его груди, казалось, могло принадлежать только ей.

Борухъ-Мендель ходилъ по темной квартире, натыкаясь на мебель, путаясь въ портъ-ерахъ, и ему казалось, что онъ сталъ бесплотнымъ и проходилъ сквозь двери и стѣны. Такое странное ощущеніе отсутствія тѣла, мыслей и чувствъ! Чёрная пустота безъ границъ и края, и онъ въ ней одинъ, опустошенный точно кубокъ, выпитый залпомъ чьими-то жадными и беспощадными устами.

Онъ ходилъ долго, потерявъ всякое представленіе о времени и планѣ квартиры. Не узнавалъ комнатъ. Ему казалось, что онъ шелъ только впередъ, пронизавъ тысячу стѣнъ... Шелъ безъ остановокъ по мертвымъ жилищамъ громаднаго мертваго города.

Почувствовавъ усталость Борухъ-Мендель даже обрадовался ей: возвратилось тѣло, и онъ съ изумленіемъ узналъ залъ своей квартиры, въ который обычно никогда не заходилъ. Паль-

мы уголка зимняго сада тянули къ нему приступивыт широкіе листья, и онъ сѣлъ на диванчикъ подъ ними.

Вернулось тѣло, вернулись мысли, пришла снова тоска, и тупая боль охватила душу.

XVIII.

Онъ услыхалъ, какъ щелкнулъ автоматической замокъ выходной двери, и пошелъ на встречу Настѣ. Даже обрадовался ея приходу, какъ ребенокъ. Что бы тамъ ни было, но сейчасъ она пришла, и все будетъ по старому, по привычному и какое ему дѣло до Невзорова и до того, что Настя уходитъ куда-то? Вѣдь ночь всегда въ его распоряженіи, ночь — священное время любви!

Онъ вышелъ въ переднюю и остановился изумленный. Это была Настя и не Настя въ то же время, то есть Настя, но въ необычайномъ нарядѣ. На ней былъ мужской костюмъ — френчъ, широкія галифе, заправленные въ высокіе желтые шнурованные ботинки. На головѣ военная фуражка, лихо заломленная на бокрень.

Настя только что скинула солдатскую шинель и повѣсила ее на вѣшалку. Увидала Боруха-Менделя и улыбнулась ему какъ всегда и нѣжно и задорно, точно никакой тѣни не было въ ея отношеніяхъ къ нему.

— Что, Боренька, не узналъ храбраго солдата Яшку?! — засмѣялась она. — А! Соскучился небось безъ меня?

И какъ всегда порывисто обняла его и подѣловала въ губы длительнымъ подѣлуемъ. И солнце счастья снова засіяло въ душѣ Боруха.

руха-Менделя, разогнавъ ослѣпительными лучами мракъ, и тяжелымъ сномъ показалась записка, найденная въ спальнѣ, и безконечная блужданія по темной квартирѣ.

Но Настя казалась все-таки усталой и чѣмъ-то взволнованной. Въ ея ласкѣ снова сказалась привычка. Заглянувъ въ ея глаза Борухъ-Мендель прочелъ какое-то смятеніе души.

— Что съ тобой, Настенька? — осторожно спросилъ онъ, обхвативъ ее за талию и вводя въ столовую. — Ты очень устала?

Рука его нашупала неожиданно что-то твердое и тяжелое въ заднемъ карманѣ галифе. Онъ вздрогнулъ, опустию распознавъ предметъ: это былъ браунингъ, большой браунингъ военного образца.

— Настя... Зачѣмъ у тебя оружіе? — спросилъ онъ и вдругъ поблѣднѣлъ, вспомнивъ одну фразу изъ роковой записки, отодвинутую болѣе важнымъ, болѣе тягостнымъ: «придется отложить визитъ за золотомъ въ совѣтъ».

— Настя?! — вскрикнулъ онъ, пораженный внезапной догадкой, сопоставившей въ одно цѣлое загадочную фразу изъ записки, револьверъ и солдатскій нарядъ Нasti. — Зачѣмъ ты носишь револьверъ?

— Такъ я же солдатъ Яшка! — снова засмѣялась Настя. — А какой же солдатъ безъ оружія? Ну, да чего ты переполошился?

Усмѣшка сошла съ ея губъ, когда она заглянула въ лицо Боруха-Менделя. Въ глазахъ ея мелькнула тревога.

— Что съ тобой, Али? Ты... Да говори, что случилось?

— Ничего, Настенька, — отвѣтилъ Борухъ-Мендель, — опуская глаза, точно боясь, что

она прочтетъ въ нихъ его открытие, вдругъ новымъ зловѣщимъ свѣтомъ освѣтившее Настю.
— Ничего. Меня взволновалъ револьверъ — я не люблю никакого оружія!

— Ну нѣтъ... Такъ легко ты не увишь... Думаешь я не вижу, что ты врешь? Скажи лучше сразу, что знаешь...

Въ страшномъ волненіи, точно вспомнивъ о чѣмъ-то, она побѣжала въ спальню. Нѣсколько минутъ ея не было, и тягостная тишина обступила Боруха-Менделя. Потомъ она вернулась со скомканной бумажкой въ рукахъ. Это была записка Невзорова.

— Ты прочелъ это? Да? Ахъ, я дура, дура, забыла уничтожить такую вещь! Ты прочелъ это письмо? Ну, говори же скорѣй... Ахъ, да зачѣмъ и говорить — конечно, прочелъ.

Она въ волненіи бѣгала по комнатѣ, и Борухъ-Мендель никогда не видалъ ее такой разстроенной.

— Да, Настенька, я прочелъ это, — задыхнувшись проинесясь онъ. — Прочелъ...

— Ну и хорошо, что прочелъ! — зло сверкнула она глазами. — Я тебѣ говорила, что не создана для простой жизни, вотъ!

— Но я тебя ни въ чѣмъ не обвиняю, — тихо сказалъ Борухъ-Мендель, и голосъ его дрожалъ. — Каждый выбираетъ свой путь по собственному желанію. И если бы я тебя не любилъ...

— То донесъ бы на меня? Да? — кинулась она къ нему и впилась жаднымъ взглядомъ въ его лицо, — скажи, донесъ бы?

Борухъ-Мендель грустно покачалъ головой.

— Нѣтъ... Я бы могъ уйти, Настенька и пожелать тебѣ счастья въ новой любви.

— Въ новой любви? — она съ недоумѣніемъ произнесла эти слова. — Въ новой любви? Въ какой это любви? Въ какой это любви... Ахъ, вотъ что! Ха! ха! ха!

Ея смѣхъ былъ полной неожиданностью для Боруха-Менделя. Она смѣялась отъ души, и на ея лицѣ пропали выраженія тревоги, вражды и злости.

— Новой любви! Ахъ, Боренька, ты все такой же, какимъ былъ! У меня нѣтъ любви ни къ кому, кромѣ тебя и никогда не будетъ! То, что пишетъ этотъ дуракъ, ты принялъ всерьезъ? ха! ха! ха!

— Я не вижу въ этомъ ничего смѣшного, Настенька. Человѣкъ пишетъ о тоскѣ, о поцѣляхъ, пишетъ, какъ владѣющій тобой... Настенка, я ни чего не понимаю тогда.

— И нечего тебѣ понимать... Вѣдь если такъ, то ты долженъ былъ бы ревновать меня ко всѣмъ тѣмъ, кто перебывалъ у меня за всю мою жизнь. Брось ихъ, Боренька, брось мучить себя понапрасну...

И снова она убѣдила. Не словами: буря ласки, неподкущаго горячаго чувства обрушилась на Боруха-Менделя и сокрушила, смяла всѣ его сомнѣнія.

Только поздно ночью, вѣрнѣе подъ утро, когда сизой стала ночь за окномъ, Борухъ-Мендель снова началъ думать.

Настя спала. Ея горячее тѣло разметалось возлѣ него, одна рука была заложена подъ голову; полуоткрытые сочныя губы казались дрожащими еще отъ томленія дикихъ попѣлуевъ.

И у этой женщины, жившей только тѣломъ, были таинственные связи съ какими-то темными силами. Правда въ центрѣ этихъ

силь было золото — единственное божество, которому поклонялась Настя.

«У нихъ былъ планъ ограбить мой шкафъ въ совѣтѣ, — подумалъ Борухъ-Мендель безъ тѣни волненія. — Что было бы, если бы это имъ удалось?»

Онъ пожалъ плечами и улыбнулся.

Это было бы началомъ конца. Всему бываетъ конецъ, и конецъ долженъ подойти когда-нибудь. Не все ли равно, придетъ ли онъ въ видѣ тифа или его принесутъ въ дулахъ винтовокъ четыре исполнителя приговора революціоннаго суда.

Важно только одно — быть увѣреннымъ, что конецъ приходитъ во-время, и что жизнь больше не имѣеть смысла.

XIX.

Давно не было такой суеты въ совѣтѣ, какъ въ это утро.

Борухъ-Мендель, войдя въ свой отдѣлъ, сразу почувствовалъ, что случилось что-то важное.

Новый переворотъ? Бѣлые возлѣ заставъ Петрограда?

Его встрѣтила машинистка, бѣлобрысая Панкина, ставшая уже партійной. Лицо ея было какимъ-то сѣрымъ, и она еле могла говорить.

— Развѣ вы ничего не знаете, товарищъ Мендель? — спросила она.

Мендель покачалъ головой.

— Что же случилось?

— Товарища Гельфандъ чуть не убили. Онъ вчера везъ вечеромъ драгоцѣнности и на него было нападеніе. Товарищъ Гельфандъ опасно раненъ...

У Боруха сжалось сердце, точно чья-то холодная рука стиснула его. Стало трудно дышать.

— Гельфандъ раненъ?—переспросилъ онъ, точно не могъ вникнуть въ смыслъ этихъ словъ.

— Да, раненъ, очень опасно. На него напали гдѣ-то возлѣ Слоновой. Четверо въ солдатской формѣ. Захватили чемоданъ, а когда товарищъ Гельфандъ выхватилъ револьверъ, прострѣлили ему грудь... навылетъ.

Тогда суета въ совѣтѣ стала понятной сразу. Борухъ-Мендель ничего не сказалъ Панкиной и прошелъ въ свой кабинетъ.

Настина «игра» пріобрѣтала зловѣщій оттѣнокъ. Онъ вспомнилъ ея солдатскій нарядъ и револьверъ и застылъ въ ужасѣ.

Неужели она могла убить человѣка ради кучи блестящихъ вещицъ?

Съ этой чудовищной мыслью никакъ не могъ примириться Борухъ-Мендель.

Его Настя, его любовь и счастье, и шайка убійцъ! Нѣтъ, должно быть тутъ что-то не такъ...

Его размышенія прервала товарищъ Панкина. Она вошла въ кабинетъ и выпалила:

— Товарищъ Мендель, васъ требуетъ исполнкомъ.

Мендель поднялся наверхъ къ Израилевичу. Въ кабинетъ предсѣдателя онъ засталъ въ сборѣ почти весь исполнкомъ.

— Вы слышали о Гельфандѣ? — нервно спросилъ Менделя Израилевичъ. — Какъ могло случиться, что его прослѣдили бандиты?

Борухъ-Мендель хорошо зналъ, какъ это вышло, но ничего не отвѣтилъ. Лгать онъ не хотѣлъ, а выдавать Настю... Лучше откусить себѣ языкъ.

— Какъ все произошло? — спросилъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ. И старая выдержка, выдержанія раввина помогла ему. Никто не замѣтилъ на его лицѣ и тѣни волненія.

— Нападеніе бандитовъ. Ихъ было четверо, все въ солдатскомъ. Къ сожалѣнію, товарищъ Гельфандъ больше ничего не могъ сообщить... Допросить его можно будетъ только черезъ нѣсколько дней... Товарищи изъ угрозыска подозрѣваютъ, что среди бандитовъ была женщина... Найдена сережка на мѣстѣ нападенія. Но сережка могла выпасть и изъ чемодана — ихъ тамъ было много... Что вы думаете обо всемъ этомъ, товарищъ Мендель?

Что думалъ Мендель, онъ не сказалъ. Сережка, найденная на мѣстѣ происшествія, могла пролить свѣтъ на всю драму...

Что бы тамъ ни было, но Настя не должна попасть въ ихъ руки. Это рѣшеніе какъ-то само собой выплыло и укрѣпилось въ душе Боруха-Менделя.

Онъ ровнымъ спокойнымъ голосомъ далъ

свои показанія о томъ, какимъ образомъ Гельфандъ увезъ драгоцѣнности. О Настѣ, конечно, ни слова. И его не удивилъ вопросъ предсѣдателя:

— Кромѣ васъ и Тихомирова никто не зналъ обѣ этомъ?

— Никто. Тихомировъ даже не зналъ, что было въ чемоданѣ.

И хотя Мендель не глядѣлъ на присутствующихъ, но уловилъ странный взглядъ, которымъ обмѣнялись нѣкоторые изъ нихъ.

Значеніе этого взгляда онъ понялъ: въ немъ было недовѣріе.

— Значить только вы одинъ знали, товарищъ Мендель, о поѣздкѣ товарища Гельфанда? — многозначительно спросилъ предсѣдатель?

— Не знаю...

На этомъ кончили допросъ. Мендель подписалъ протоколъ.

— Это мы должны направить въ уголовскъ, — сказалъ Израилевичъ. — Вамъ, вѣроятно, придется давать и тамъ показанія, товарищъ Мендель.

— Хорошо, — согласился Мендель. — Пускай меня вызовутъ, когда нужно.

Онъ ушелъ. Другіе остались. Борухъ-Мендель зналъ, что будуть говорить о немъ, будутъ высказывать свои подозрѣнія.

— Пускай...

Горькая улыбка скользнула по его губамъ.

— Пусть приходитъ конецъ... Сказка жиз-

ни все равно кончилась... Нѣтъ и не будетъ дворцовъ для дѣтей, не будетъ мира для измученныхъ голодомъ людей... И нѣтъ уже любви.

Это Борухъ-Мендель ощутилъ вдругъ. Любовь отошла — громадная, прекрасная, она была уже въ сторонѣ. Лужа крови нагло вхлестнулась между нимъ и Настей... И любовь отошла сверкающей и незапятнанной.

Нужно было сохранить ее такой.

XX.

Въ этотъ день онъ съ Настей не говорилъ о любви.

Изъ совѣта онъ пришелъ домой съ определеннымъ и твердымъ рѣшеніемъ, внесшимъ ясность въ его мысли и тишину покоя въ душу.

Настя поняла, что въ ея Боренѣкѣ произошла перемѣна. Она прочла это въ его глазахъ, движеніяхъ и поступи. Ничего враждебнаго не уловила она въ немъ, но тревога проникла въ ея душу.

Она сидѣла въ будуарѣ и вертѣла въ рукахъ сережку — одну изъ той пары, что подарила ей несчастный Гельфандъ.

— А гдѣ вторая серыга, Настя? — спросилъ Борухъ-Мендель.

— Не знаю... Потеряла.

— Потеряла? Ну, такъ я скажу тебѣ, Настенька, что ее нашли, а гдѣ нашли — знаешь сама.

Она вздрогнула и поблѣднѣла.

— Нашли?

Онъ кивнулъ головой.

— Да. И ты понимаешь, что когда Гельфандъ получить возможность говорить, то...

Договариваться не было нужды. У Нasti задрожали губы.

— Я... я понимаю, Али... Ахъ, какая я дура! Надѣть солдатскую форму и забыть вынуть эти проклятые серьги... Ахъ, дура, дура подлая!

Онъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на нее. Въ ней не было и признака сожалѣнія о случившемся. Она негодовала на себя за промахъ!

— Настя, — прерваль онъ ее почти строго, — и тебѣ не жаль Гельфанда, не жаль человѣческой жизни?

Она почти съ недоумѣніемъ взглянула на него.

— А чего мнѣ жалѣть? Не я палила въ него, не мнѣ и каяться... Ты подумай самъ, что изъ-за этой серьги можно къ стѣнкѣ попасть!

— Можно, — серьезно согласился Борухъ-Мендель.

Она вскочила.

— Да, но только Настя твоя не изъ такихъ, которые попадаютъ къ стѣнкѣ, Боренька... Пускай они стрѣляютъ другихъ, что по-проще...

— Что ты думаешь дѣлать?

— Что? Ахъ, какой ты глупый, право. Конечно, нужно винта нарѣзать.

— Бѣжать?

— А то сидѣть здѣсь, что-ли? Нѣтъ, Боренька, мы соберемъ манатки и сейчасъ же отсюда лататы. У Невзорова все готово и ли-теры есть. Махнемъ на Украину, Боренька... Съ такими капиталами, что у нась, не только втроемъ, а и вдесятеромъ проживемъ.

Борухъ-Мендель покачалъ головой.

— Нѣтъ, Настенька, я не поѣду.

Она почти осталбенѣла.

— Ты не поѣдешь? А что же ты будешь дѣлать?

— Не знаю. Я останусь здѣсь, Настенька. Что же? Меня не тронутъ...

Онъ лгалъ, и она прекрасно понимала, что онъ сознаетъ всю тяжесть отвѣтственно-сти, ложащуюся на него.

— Нѣтъ, ты совсѣмъ глупъ, Боренька, и тебя не убѣдишь. Но я-то не хочу лѣзть въ капканъ. Понимаешь?

Онъ понималъ. Онъ съ грустью видѣлъ, что опасность отрывала ее отъ него. Она думала о себѣ, она не хотѣла рисковать жизнью, когда эта жизнь улыбалась ей изъ свободной дали.

— Да, уѣзжай, Настенька, — вздохнулъ онъ, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Говорить больше онъ не могъ и ушелъ въ кабинетъ. Тамъ сидѣлъ не зажигая свѣта, опустивъ голову на ладони.

Прошелъ часъ, а можетъ быть два...

Вошла Настя.

Она была одѣта въ скромный нарядъ гор-

личной съ пуховымъ платочкомъ, повязаннымъ на головъ. Въ этомъ костюмѣ Настя могла сойти за фабричную дѣвушку, немножко нарядившуюся для прогулки. Въ рукахъ у нея былъ саквояжъ, а черезъ плечо висѣла сумочка.

— Вотъ что, Али, милый, — сказала она.
— Мнеъ нужно сейчасъ же смыться... Оставаться здѣсь нельзя... Хочешь, идемъ вмѣстѣ? Нѣтъ... Ну, тогда я позвоню тебѣ... Можетъ быть ты передумаешь?

Борухъ-Мендель отрицательно покачалъ головой.

Она зажгла свѣтъ, подошла къ нему и, поднявъ его голову, заглянула въ лицо.

Долгій взглядъ. Въ немъ было много чувства, много нѣжности, и сквозь все это тоскливо свѣтилась печаль сожалѣнія.

— Прощай, Али... Прощай, мой милый...

Губы ея прильнули къ его губамъ. Онъ отвѣтилъ на поцѣлуй, но это былъ тихій поцѣлуй ласки, поцѣлуй отца или брата, но не поцѣлуй любовника...

И это точно облегчило ее. Она выпрямилась уже спокойная...

— Прощай...

И ушла. Борухъ-Мендель съ напряженіемъ прислушивался къ ея шагамъ, прозвучавшимъ въ передней... Потомъ хлопнула дверь, и щелкнулъ автоматической замокъ...

Тишина...

Тишина пустоты и смерти...

• • • • • • • • • • • • • • • • • •

XXI.

Кажется, ничего не измѣнилось...

Борухъ-Мендель какъ и всегда сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ совѣтѣ и какъ всегда груды бумагъ лежали передъ нимъ.

Только измѣнилось лицо Боруха-Менделя.

Въ глазахъ потухло сіяніе счастья — пѣсня любви отозвучала въ душѣ. Вмѣсто нея — реквиемъ.

И въ глазахъ потухли огни жизни. Темная пустота глядѣлась изъ нихъ...

Онъ тупо смотрѣлъ на бумаги на столѣ и думалъ о пустотѣ, о томъ, что вѣчное безстѣнное поглощаетъ все.

Пуста и безцѣльна была его работа. Дѣтскіе дворцы располазились и исчезали, какъ миражъ. Вмѣсто красиваго поколѣнія новыхъ людей — толпы полуолодныхъ, подростковъ, впитывающихъ въ душу всю грязь и мерзость окружающаго. Что выйдетъ изъ нихъ? Материалъ для каторгъ будущаго, пыча палачамъ?

А Настя?

Безъ горечи думалъ онъ о ней, съ нѣжностью и теплотой, какъ думаютъ объ умершемъ близкомъ и дорогомъ.

Путь Настинъ не конченъ. Она по своему распорядилась событиями, по своему рѣшила вопросъ дальнѣйшей жизни. У грабителей отняла то, что даетъ ей возможность пользоваться мишурой жизни...

— Помоги ей Богъ...

Онъ началъ ходить взадъ и впередъ по

кабинету... Онъ ждалъ неизбѣжнаго, тяжесть ожиданія давила его. Скорѣе бы приходило это неизбѣжное, тогда можно спокойно вздохнуть.

Въ сосѣдней комнатѣ женщина съ птичьимъ лицомъ говорила Панкиной полушопотомъ съ выраженіемъ неподдѣльного ужаса на лицѣ:

— Я узнала сережку... Такую я видѣла въ ушахъ этой... этой... съ которой живеть нашъ комиссаръ. Я сказала обѣ этомъ, но мнѣ почти не повѣрили... А я думаю, товарищъ Панкина, моя революціонная совѣсть мнѣ подсказываетъ, что нашъ комиссаръ — бѣлый бандитъ... Вы увидите.

Въ это время въ комнату вошелъ человѣкъ въ кожаной курткѣ и съ винтовкой.

— Комиссаръ Мендель у [себя? — спросилъ онъ.

Женщины многозначительно переглянулись. Тешихина поспѣшила открыть дверь кабинета.

— Да, у себя, — сказала она.

Человѣкъ съ винтовкой увидѣлъ Боруха-Менделя, остановился и сказалъ:

— Товарищъ Мендель, мнѣ приказано доставить васъ въ политотдѣлъ. Слѣдуйте впередъ...

Тяжесть упала съ души Боруха-Менделя. Снова огоньки затеплились въ глазахъ, и онъ по-дѣтски радостно улыбнулся человѣку съ винтовкой.

— Я готовъ, идемъ.

Онъ прошелъ въ сопровожденіи конвоира

черезъ комнаты отдѣла, въ которыхъ власть его была почти неограничена. Испуганныя, не-доумѣвающія лица служащихъ въ послѣдній разъ скользнули передъ нимъ.

Онъ шелъ улыбающійся и довольный, какъ человѣкъ, которому осталось сдѣлать всего нѣсколько шаговъ, чтобы закончить утомительный, тяжелый путь.

И онъ видѣлъ этотъ конецъ за глупой и нелѣпой процедурой молниеноснаго слѣдствія и пародіи суда — четыре круглыхъ темныхъ пустыхъ глаза солдатскихъ винтовокъ...

К о н е цъ.

Штемпель для Литвы 2 лита

